

Елизавета Мотлангская. Императрица Тартарии

18+

Дамир Янсуфин

**Элис Шотландская.
Императрица Тартарии.**

«Автор»

2026

Янсуфин Д.

Элис Шотландская. Императрица Тартарии. / Д. Янсуфин —
«Автор», 2026

1594 год. Англия. До королевского двора доходят слухи о загадочной империи на востоке Великой Тартарии. Огромная держава. Самое невероятное на её троне сидит шотландка. Рыжеволосая женщина с запада, которая стала императрицей. Никто не знает, правда это или легенда. Кроме одного человека. Кристофер Марло поэт, драматург. Услышав в портовой таверне рассказ о тартарской императрице, он загорается идеей найти её. Марло отправляется в Шотландию, находит старика, знавшего родителей загадочной Элис, и получает от него фамильную реликвию серебряную брошь с чертополохом. Теперь у него есть доказательство. И есть цель. При поддержке королевы Елизаветы он снаряжает экспедицию и отправляется на восток через Северное море, через льды Арктики, через бескрайнюю тундру, через сибирские крепости и Великую степь. Его путь лежит в Каракорум легендарную столицу Тартарии, где живёт женщина, ради которой он готов пройти полмира. Но Тартария не сказка. Это суровая земля, и она не любит чужаков.

© Янсуфин Д., 2026

© Автор, 2026

Дамир Янсуфин

Элис Шотландская.

Императрица Тартарии.

Элис Шотландская. Императрица Тартарии

Альтернативная история. Приключенческий роман.

1594 год. Англия. До королевского двора доходят слухи о загадочной империи на востоке — Великой Тартарии. Огромная держава, раскинувшаяся от Московии до Китая. Армия в сто пятьдесят тысяч сабель. Победа над Китаем. Колонии в Новом Свете. И — что самое невероятное — на её троне сидит шотландка. Рыжеволосая женщина с запада, которая стала императрицей.

Никто не знает, правда это или легенда. Кроме одного человека.

Кристофер Марло — поэт, драматург, бывший шпион, человек, инсценировавший свою смерть и живущий под чужим именем. Случайно услышав в портовой таверне рассказ о тартарской императрице, он загорается идеей найти её. То, что начинается как сюжет для пьесы, становится делом всей жизни. Марло отправляется в Шотландию, находит старика, знавшего родителей загадочной Элис, и получает от него фамильную реликвию — серебряную брошь с чертополохом.

Теперь у него есть доказательство. И есть цель.

При поддержке королевы Елизаветы он снаряжает экспедицию и отправляется на восток — через Северное море, через льды Арктики, через бескрайнюю тундру, через сибирские крепости и Великую степь. Его путь лежит в Каракорум — легендарную столицу Тартарии, где живёт женщина, ради которой он готов пройти полмира.

Но Тартария — не сказка. Это суровая земля, и она не любит чужаков.

Роман вдохновлён реальными историческими событиями: экспедициями Виллема Баренца, плаваниями английских купцов в Московию, старинными картами, на которых Великая Тартария обозначалась как реально существующая держава. Автор соединил подлинные факты с художественным вымыслом, создав масштабное полотно — историю о путешествии, любви и вере в невозможное.

Это книга о том, как далеко может зайти человек ради мечты. О том, что легенды иногда оказываются правдой. И о том, что любовь — единственный компас, который никогда не врёт.

Основано на реальных исторических событиях. Все совпадения с историческими лицами не случайны — кроме тех, что являются плодом авторской фантазии.

Предисловие.

Лондон. Королевский дворец. Весна 1594 года.

Королева Англии Елизавета I Тюдор сидела в своём кабинете, заваленном бумагами. За окном моросил привычный лондонский дождь. Ей было уже за шестьдесят, но она сохраняла ту остроту ума и властность, которые сделали её величайшей правительницей Европы.

Перед ней стояли трое советников. Лорд Берли, её старый и верный Уильям Сесил, хранитель королевской печати, грузный мужчина с усталыми глазами. Сэр Фрэнсис Уолсингем, глава тайной службы, сухой и желчный, вечно кашляющий в кулак. И сэр Уолтер Рэйли, молодой, красивый, амбициозный — исследователь, пират, мечтатель.

— Ваше величество, — начал Берли, — у нас есть сведения о далёкой державе на востоке. За Московией. За бескрайними степями. Они называют себя Тартарией.

Елизавета подняла бровь. Она слышала это название — смутно, как эхо.

— Тартария? Это где? Где-то рядом с Московией?

— Именно, ваше величество. Ближе к Китаю. Огромное государство. Говорят, оно простирается от Каспийского моря до Тихого океана. И там... новый император.

Елизавета отложила бумаги. Сняла очки. Посмотрела на советников с лёгким пренебрежением — тем самым, которое она оттачивала десятилетиями.

— И что? У них новый император. У нас тоже был новый император — в Германии. Каждые несколько лет. Меня это должно волновать?

Уолсингем сухо кашлянул. Он не любил долгих предисловий.

— Ваше величество. Дело не в императоре. Дело в императрице.

Елизавета чуть наклонила голову. В её глазах блеснул интерес — тот самый, который появлялся, когда разговор принимал неожиданный оборот.

— Императрице? И кто же она? Китайская принцесса? Персидская шахинья?

Уолсингем позволил себе редкую, едва заметную улыбку.

— Нет, ваше величество. Она — шотландка.

Тишина. Елизавета медленно приподнялась в кресле. Её пальцы сжали подлокотники.

— Что?

Рэйли шагнул вперёд. Он был единственным, кто мог позволить себе некоторую вольность в присутствии королевы — его молодость и обаяние иногда смягчали её гнев.

— Ваше величество. Мы получили эти сведения от купцов, торгующих с Московией. Императрица Тартарии — шотландка. Из простой семьи. Её зовут Элис. Она из клана... — он заглянул в бумаги, — ...МакЛауд, кажется. Или МакКензи. Сведения разнятся.

Елизавета поднялась с кресла. Медленно. Величественно. Подошла к окну. Дождь стучал по стеклу. Шотландка. Императрица огромной державы где-то на краю света. Шотландка — на троне, который больше Англии в десять, в двадцать, в сто раз.

— Как? — спросила она, не оборачиваясь. Голос её был спокоен, но в нём слышалось напряжение. — Как шотландка оказалась на троне Тартарии?

Берли взял слово. Он говорил медленно, обстоятельно — как всегда.

— По нашим данным, ваше величество, это произошло так. Много лет назад — кажется, в семидесятых годах — группа шотландских путешественников отправилась в экспедицию. Они шли через северные моря. В Московию. А оттуда — дальше, вглубь континента. Среди них была молодая девушка. Элис.

— Шотландская экспедиция, — повторила Елизавета задумчиво. — На север. Через Московию. Это же...

— Это же тот самый путь, который мы считаем бесперспективным для торговли, — закончил Рэйли. — Но они прошли его. И девушка... она осталась в Тартарии. Вышла замуж за наследника престола. А теперь стала императрицей.

Елизавета обернулась. В её глазах была сложная смесь — удивление, зависть, досада и что-то ещё. Восхищение? Возможно.

— Шотландка, — произнесла она, качая головой. — Простая шотландка из клана... как его? МакЛауд? Стала императрицей державы, которая простирается от Московии до Китая. А я, королева Англии, сижу здесь, в этом сыром городе, и пытаюсь удержать под контролем парламент, который не хочет давать мне денег на флот.

Она усмехнулась — горько, но с достоинством.

— Забавно устроен мир, господа.

Уолсингем, как всегда, был практичен.

— Ваше величество. Это не просто забавно. Это политическая возможность. Тартария — огромная держава. Они контролируют Шёлковый путь. У них есть выход к Тихому океану. У них есть колонии в Новом Свете — к северу от испанских владений. Если шотландка на их троне благосклонна к британцам...

— К британцам? — перебила Елизавета. — Она шотландка. А шотландцы не всегда благосклонны к англичанам. Или вы забыли Марию Стюарт?

— Эта шотландка не Мария Стюарт, — возразил Рэйли. — Она из простой семьи. У неё нет претензий на английский трон. У неё есть влияние на трон тартарский. И если мы хотим расширить нашу торговлю на восток — Тартария может стать ключом.

Елизавета вернулась к столу. Опустилась в кресло. Помолчала. Её пальцы барабанили по столу — знак глубокой работы мысли.

— Расскажите мне о ней всё, что знаете. Кто её муж? Кто её дети? Как она туда попала? Я хочу знать всё. И... — она сделала паузу, — ...подумайте, как мы можем установить контакт с этой... императрицей.

— Будет исполнено, ваше величество, — поклонился Уолсингем.

Советники начали расходиться. Но Елизавета остановила их жестом.

— И ещё. Эта тартарская императрица... она говорит по-английски?

Берли сверился с бумагами.

— Да, ваше величество. По нашим данным, она говорит на нескольких языках. Английский — один из них. Более того, она, кажется, создала для Тартарии новую грамматику на основе латинского алфавита. По образцу английского.

Елизавета долго молчала. Потом расхохоталась — не зло, но с оттенком горькой иронии.

— Шотландка. Создала грамматику. Для тартар. На основе латыни. По образцу английского. Господа, мы живём в удивительное время. Идите. И помните: Тартария теперь не просто «где-то за Москвией». Тартария — это держава, с которой нам, возможно, придётся считаться. И я хочу знать о ней всё.

Лондон. Королевский дворец. Несколько дней спустя.

Королева Елизавета I восседала в своём кабинете, заваленном картами, донесениями и свитками. За окном всё так же моросил лондонский дождь, но сегодня ей было не до погоды. Перед ней стояли те же советники — лорд Берли, сэр Уолсингем и сэр Уолтер Рэйли, — но теперь к ним присоединился ещё один человек: сэр Джон Ди, королевский астроном, математик и исследователь всего таинственного. Именно он держал в руках пухлую папку с пометкой «Tartaria Magna».

— Ваше величество, — начал Ди своим низким, звучным голосом, — я провёл несколько дней, изучая всё, что нам известно об этой державе. И я должен сказать: это поразительно.

Елизавета откинулась в кресле. Сложила руки на коленях. Она любила, когда Ди говорил — он всегда умел превратить сухой отчёт в увлекательное повествование.

— Поражайте меня, доктор Ди.

Ди раскрыл папку. Из неё выпали листы с заметками, картами, даже грубый набросок тартарского флага — корона и меч на синем поле.

— Начну с самого начала, ваше величество. Тартария была основана человеком по имени Тайбер. Или, если использовать его латинское имя, Тиберий. Он был византийским легатом. Бежал из Константинополя почти шестьсот лет назад. Ушёл на восток. Основал крепость на реке Тобол. И провозгласил новое государство.

— Византийский легат, — повторила Елизавета задумчиво. — Беглец. Основатель империи. Это звучит как сюжет для пьесы.

— Это только начало, ваше величество, — Ди перевернул страницу. — С тех пор Тартарией правит одна династия — Септимы. Одна семья. Шесть веков. Это самый долгий правя-

ший род в мире. Дольше Тюдоров, дольше Валуа, дольше Габсбургов. Они пережили монгольское нашествие. Они пережили войны с Китаем. Они построили города в Сибири, осваивают Новый Свет к северу от испанских владений и контролируют Шёлковый путь.

Елизавета подняла бровь.

— Новый Свет? Они тоже в Новом Свете?

— Да, ваше величество, — вставил Рэйли, который внимательно следил за этой частью разговора. — У них есть колония на северо-западе Америки. Они называют её Беренгия. Основана ещё в прошлом веке. Легендарная царевна Марина Септим открыла её во время кругосветного плавания. Их корабли ходят по Тихому океану. Их крепости стоят на побережье. Они — наши соперники в Новом Свете. Или могут стать союзниками.

Елизавета ничего не сказала, но в её глазах блеснул огонёк. Соперники. Союзники. Торговля. Она думала.

Ди продолжил:

— Но самое удивительное — это их внутреннее устройство, ваше величество. Тартария — не монолит. Это... плавильный котёл. Там живут русские, татары, монголы, буряты, казахи, туркмены — десятки народов. И все они равны перед законом. У них нет государственной религии в привычном смысле — православные, мусульмане, буддисты живут рядом. Мечети, церкви, дацаны — всё на одних улицах.

— И они не режут друг друга? — скептически спросила Елизавета.

— Нет, ваше величество, — ответил Ди с лёгкой улыбкой. — У них есть что-то, что они называют «тартарская идея». Некая общая идентичность, которая объединяет всех. Её сформулировал один из их правителей по имени Мартин больше ста лет назад. Он сказал: «Мы — один народ. Неважно, на каком языке ты молишься. Важно, кому ты верен».

— Мудро, — пробормотала Елизавета. — Очень мудро. Жаль, что у нас в Англии католики и протестанты не могут понять то же самое.

Ди перевернул ещё одну страницу.

— Армия. По последним данным, у тартарского императора около ста пятидесяти тысяч солдат. Это больше, чем у нас, у Франции и у Испании вместе взятых. Они вооружены кремнёвыми ружьями, у них есть артиллерия, у них есть флот на Каспии и корабли на Тихом океане. И, ваше величество... они победили Китай.

— Что? — Елизавета резко выпрямилась. — Китай? Они воевали с Китаем и победили?

— Да, ваше величество. Это случилось около десяти лет назад. Предыдущий император, Уриэль, разгромил китайскую армию в битве при Аяне. Шесть тысяч тартар против пятнадцати тысяч китайцев. И они победили. Китайский император признал поражение и подписал мир. Тартария — единственная держава, которая смогла победить Китай в открытой войне за последние сто лет.

Елизавета медленно откинулась в кресле. Её пальцы сжимали подлокотники. Она думала. Быстро. Интенсивно.

— Огромная армия. Богатая земля. Победа над Китаем. И всем этим правит человек, чья жена — шотландка.

— Да, ваше величество, — тихо сказал Берли. — И эта шотландка, как мы узнали, не просто сидит в гареме. Она создала тартарскую грамматику на латинской основе. Она реформирует образование. Она переписывается с наместниками провинций. Она — настоящая императрица. Не кукла. Правительница.

Елизавета долго молчала. Потом встала. Подошла к окну. Дождь всё шёл.

— Значит, где-то на краю света, — произнесла она задумчиво, — есть империя, которую основал беглый римлянин. В которой живут десятки народов, не режущих друг друга. Которая победила Китай. И на троне которой сидит шотландка. А мы сидим здесь, на нашем острове, и думаем, что мы — центр мира.

Она обернулась. В её глазах была та особая искра, которая предвещала большие решения.

— Я хочу знать о Тартарии всё. Всё, что можно узнать. Пошлите туда купцов. Разведчиков. Дипломатов. Если эта империя так сильна, как вы говорите, мы должны быть с ней в хороших отношениях. Особенно если на её троне сидит женщина, говорящая по-английски. Идите. Работайте.

Советники поклонились и вышли.

Глава 1. Человек, который умер дважды

Лондон — Дентфорд — снова Лондон. Май 1593 — весна 1594.

Говорят, что умирать легко. Солгал тот, кто это сказал.

Кристофер Марло умер в среду, тридцатого мая, в доме вдовы Булл в Дентфорде, и смерть его была совсем не лёгкой. Кинжал вошёл над правым глазом — резко, глубоко, на два дюйма, — и мир вспыхнул белой болью, а потом погас. Он не почувствовал, как упал на дубовый стол, как хлынула кровь, заливая счета за ужин, как закричали собутыльники — Инграм Фризер, Николас Скирс, Роберт Пули. Он не слышал, как Фризер, его старый приятель, повторял трясущимся голосом: «Это была самозащита, джентльмены, самозащита, вы все видели, он бросился на меня первым». Он не видел, как прибежал констебль, как составляли протокол, как тело — его тело — повезли в телеге по разбитой дороге к церкви Святого Николая.

Он ничего этого не видел, потому что был мёртв.

Таков был официальный рассказ. Его записали, заверили, подшили. Состав преступления. Тело преступления. Тело поэта.

Но поэты, как известно, народ ненадёжный. Они склонны воскресать.

Через три дня после похорон — безымянная могила, безымянный гроб, безымянный покойник — Кристофер Марло открыл глаза в подвале дома на Саутуарк-стрит. Над ним горела одинокая свеча. Пахло крысами, плесенью и старой кровью. Голова раскалывалась. Правый глаз не видел — или видел, но хуже, гораздо хуже прежнего. Левой рукой он дотронулся до лица и нащупал грубые швы. Кто-то зашил его. Кто-то грубый. Кто-то, кому было приказано.

Перед ним сидел человек. Человек был немолод, сух, желчен. Он кашлял в кулак.

— Добрый вечер, Кит, — сказал сэр Фрэнсис Уолсингем. — Добро пожаловать обратно.

Так началась его вторая жизнь. Жизнь, которая была хуже смерти.

Уолсингем объяснил коротко, без эмоций — как всегда. Он не тратил слов на сочувствие. Сочувствие было не его ремеслом.

— Ты должен был умереть, Кит. Таков был план. Тайный совет требовал твоей головы. Архиепископ Уитгифт нашёл твои бумаги. Твои заметки. Твои богохульства. «Иисус был бастардом, а Мария — шлюхой». Ты сам это написал. Ты сам подписал себе приговор.

— Я не...

— Ты. И ты знаешь, что ты. Мы спрятали тебя. Инсценировали смерть. Фризер сыграл свою роль. Скирс и Пули подтвердили. Констебль получил свой шиллинг. Ты мёртв, Кит. Официально. Навсегда. И если ты хоть раз, хоть где-то, хоть перед кем-то назовёшь своё настоящее имя — ты будешь мёртв по-настоящему. Без свечей, подвалов и разговоров.

Марло хотел спросить: зачем? Зачем вы спасли меня? Что я вам должен? Но он был слишком слаб, чтобы говорить, а Уолсингем был слишком занят, чтобы отвечать. Он встал, бросил на кровать маленький кошель — двадцать шиллингов, не больше — и ушёл, оставив поэта наедине с темнотой, болью и крысами.

Так прошёл май. Июнь. Июль.

Он выжил. Медленно, трудно, неуклюже. Швы снял цирюльник, который брал вдвое за молчание. Глаз перестал гноиться, но зрение так и не вернулось полностью. С тех пор он видел мир немного скошенным — буквально и метафорически. Шрам над бровью остался на всю жизнь: белый, неровный, похожий на молнию. Когда он смотрел в мутное зеркало, он видел

чужого человека. Не Кита Марло — баловня театров, любимца «Адмиральских слуг», спорщика, дуэлянта, любителя эля и чужих жён. А кого-то другого. Кого-то, у кого не было имени.

Он выбрал себе имя сам. Уильям Кромвель — скромно, по-пуритански, без претензий. Уильям — в честь Шекспира, чтоб ему пусто было. Кромвель — просто потому, что звучало внушительно. Никто не спрашивал документов у человека, который платит наличными. А платить было чем: он продал всё, что имел. Книги. Плащ. Серебряный кубок, подаренный Саутгемптоном. Рукопись «Фауста» ушла к издателю за три фунта — грабительская цена, но торговаться он не мог. Издатель знал, что автор мёртв, и платил соответственно.

Осенью он переехал в Ист-Энд, подальше от театрального Лондона. Снял каморку над лавкой старьёвщика-еврея — пахло старой кожей и камфарой, зато дёшево и без вопросов. Старьёвщик, Исаак, был единственным человеком, который знал его настоящее имя. Но Исаак был стар, мудр и нем. Не от природы — от выбора. Он просто не говорил лишнего. Марло это устраивало.

Дни тянулись. Денег не было. Заказов — тем более. Мёртвый поэт не пишет пьес. Мёртвый поэт вообще ничего не делает.

Он пытался. Боже, как он пытался. Садился за стол, брал перо, смотрел на чистый лист — и чувствовал пустоту. Слова, которые раньше лились рекой, теперь застревали где-то внутри, как вода в засорившейся трубе. Он начинал монолог — и бросал. Начинал сонет — и рвал. Ямбический пентаметр, его старый верный друг, теперь звучал фальшиво. Как музыкальный инструмент, который расстроился от сырости.

— Ты слишком много думаешь о том, что ты мёртв, — сказал однажды Исаак, не отрываясь от шитья. — Мёртвые не думают.

— Я не мёртв.

— Тогда перестань вести себя как покойник.

Легко сказать. Труднее сделать.

Зима 1594 года выдалась холодной. Темза замёрзла — такое бывало нечасто. Горожане устроили на льду ярмарку: палатки, жаровни, жареные каштаны, предсказатели судьбы. Марло ходил среди толпы, кутаясь в дырявый плащ, и чувствовал себя призраком. Вот мальчишки играют в снежки. Вот торговка продаёт горячий эль. Вот влюблённые целуются у моста. Жизнь продолжалась. А он был вычеркнут из неё.

Однажды он встретил Томаса Киды — бывшего друга, бывшего соавтора. Кид шёл по Флит-стрит, бледный, осунувшийся, с трясущимися руками. Они столкнулись лицом к лицу. Кид посмотрел на него — и побледнел ещё больше.

— Кит?... — прошептал он. — Ты... ты же...

Марло молча покачал головой. Приложил палец к губам. И пошёл дальше, не оборачиваясь. Кид остался стоять посреди улицы, открыв рот. Через неделю Марло узнал, что Кид попал в тюрьму по обвинению в богохульстве — и под пытками назвал его имя. Его, Марло. Автора крамольных записок. Источника заразы.

— Видишь? — сказал он сам себе, лёжа в своей каморке и глядя в потолок. — Ты даже из могилы умудряешься губить людей.

К весне деньги кончились совсем. Двадцать шиллингов Уолсингема растаяли, как снег на Темзе. Он задолжал за квартиру. За еду. За свечи. Исаак, добрая душа, не требовал платы — но всему есть предел. Марло начал подумывать о том, чтобы уехать. Куда? В провинцию, учителем в какую-нибудь сельскую школу? К фламандцам, в Антверпен, попытаться пристроиться к тамошним театрам? Или просто уйти из Лондона пешком — на север, на запад, куда глаза глядят?

Глаза глядели в никуда.

Он почти решился. Почти собрал вещи — их было немного: смена белья, чернильница, перо, старая рукопись «Фауста» (та, что не ушла к издателю). И тут вмешалась судьба — или то, что он называл судьбой за неимением лучшего слова.

В начале апреля он сидел в таверне «Голова короля» — дешёвое заведение в Ист-Энде, где подавали жидкое пиво и не задавали лишних вопросов. Он сидел в углу, пил эль и слушал.

Толстый купец с рыжей бородой разорился о какой-то Тартарии. Огромная империя на востоке. Императрица-шотландка. Грамматика. Армия в сто пятьдесят тысяч сабель.

В таверне было шумно и дымно. Свечи оплывали, пиво лилось рекой, а за грубыми деревянными столами сидел самый разношёрстный люд, какой только можно было найти в Лондоне. Купцы, только что вернувшиеся из Московии. Моряки, хваставшиеся шрамами и дальними странами. Мелкие дворяне, спускавшие последние монеты. И, конечно, поэты — те, кто пил в долг, но слушал жадно, впитывая каждое слово, каждый слух, каждую историю, которая могла стать сюжетом.

Кристофер Марло сидел в углу. Ему было тридцать лет — на два месяца больше, чем Шекспиру, — но выглядел он старше. Беспокойная жизнь, дуэли, долги, тайные связи, шпионские поручения — всё это оставило следы на его лице. Но глаза его горели прежним огнём. Глаза человека, который создал Тамерлана и доктора Фауста.

Перед ним стояла кружка эля, к которой он почти не притронулся. Он слушал.

— Говорю вам, джентльмены, это чистая правда! — разорился толстый купец с рыжей бородой, размахивая куриной ножкой. — Мне рассказал человек, который сам был в Московии! А ему рассказал другой человек, который был ещё дальше — за Камнем, как они говорят!

— За каким ещё камнем? — фыркнул кто-то из угла. — Ты, Уилкинс, вечно рассказываешь сказки. В прошлый раз ты говорил, что в Африке живут люди с пёсыми головами.

Трактир захохотал. Уилкинс побагровел.

— Смейтесь, смейтесь! А я вам говорю: есть такая держава. Называется Тартария. Она больше, чем вся Европа! Больше, чем Московия! Больше, чем Китай! И там правит император, у которого армия в сто пятьдесят тысяч сабель!

Смех стал тише. Кто-то присвистнул.

— Сто пятьдесят тысяч? — переспросил молодой моряк с перевязанной рукой. — Да у нас во всём королевском флоте нет столько людей!

— Вот именно! — Уилкинс торжествовал. — И это ещё не всё. Самое интересное — их императрица.

— Императрица? — поднял бровь какой-то дворянин. — Китайка? Персиянка?

— Шотландка! — выпалил Уилкинс и стукнул кружкой по столу. — Рыжеволосая шотландка!

В таверне повисла тишина. Потом кто-то прыснул. Потом ещё. Потом вся таверна взорвалась хохотом.

— Шотландка? — хохотал дворянин, вытирая слёзы. — Императрица Тартарии — шотландка? Уилкинс, ты перепил!

— Я трезв как стёклышко! — обиделся купец. — Мне рассказал человек, который знает человека, который видел её своими глазами! Она отправилась туда с какой-то экспедицией, вышла замуж за тамошнего принца, а теперь её муж стал императором, а она — императрицей! У них есть сын! И дочери! И она говорит по-английски!

— По-шотландски, — поправил кто-то.

— Шотландский — это почти английский! — отмахнулся Уилкинс. — Говорю вам, джентльмены, где-то на краю света рыжая шотландка правит величайшей империей в мире!

Смех постепенно стихал. Кто-то продолжал ухмыляться, но многие уже задумались. Слишком много деталей. Слишком уверенно говорил купец.

Из угла поднялся старый моряк с обветренным лицом и седой бородой. Он долго молчал, слушая спор, а теперь заговорил — тихо, но веско:

— Он не врёт.

Все обернулись к нему. Старик смотрел в свою кружку, словно видел там что-то, чего не видели другие.

— Я слышал об этой земле. Тартария. Я не был там, но знал людей, которые были. Это огромная страна. От ледяных пустынь до жарких степей. Там живут десятки народов. Русские, татары, монголы. У них есть корабли, которые ходят по Тихому океану. У них есть крепости в Новом Свете, к северу от испанцев. И у них есть императрица. Я не знал, что она шотландка. Но то, что она есть, — это правда.

Тишина стала ещё глубже. Кто-то перекрестился.

Кристофер Марло, всё это время сидевший молча, вдруг поднял голову. Его глаза, до этого рассеянно скользившие по залу, теперь сфокусировались. Он смотрел на старика. Потом на купца. Потом на огонь свечи.

— Шотландка... — произнёс он тихо, почти шёпотом. — Правительница Востока.

Он уже видел это. Картины одна за другой вспыхивали в его воображении. Рыжеволосая женщина в золотых одеждах, стоящая на балконе дворца, вознесённого над бескрайней степью. Огромная армия, марширующая под знамёнами с короной и мечом. Бури. Сражения. Любовь, преодолевающая континенты. Запад и Восток, соединившиеся в одной судьбе.

— Элис, — прошептал он. — Её зовут Элис.

Марло слушал. Сперва с усмешкой — очередная байка, очередной пьяный бред. Но потом старый моряк подтвердил. И детали были слишком точными для выдумки. И вдруг — он сам не понял, как это произошло, — он почувствовал что-то. Что-то внутри. Толчок. Искру.

Он вышел из таверны и пошёл по ночному Лондону — дождь, ветер, грязь под ногами. Но он не замечал этого. Он смотрел вперёд — и видел не тёмные улицы, а бескрайнюю степь. Не лужи под ногами, а золотые дворцы. Не шум таверны, а голос — женский, низкий, с лёгким акцентом, который он никогда не слышал, но уже любил.

Он напишет пьесу.

Это решение пришло мгновенно — как и все его лучшие решения. Он напишет пьесу о женщине, которая пересекла полмира, чтобы стать императрицей. О рыжеволосой шотландке, которая создала грамматику и победила Китай. О Западе и Востоке. О любви и власти. О том, что даже простая девушка из клана МакКензи может изменить мир, если у неё хватит воли.

Он вернулся в каморку. Зажёг свечу. Обмакнул перо в чернила.

«Элис Шотландская, Правительница Востока», — вывел он на чистом листе.

И начал писать.

Слова, которые так долго не шли, теперь лились потоком. Ямбы звенели. Монологи дышали. Герои оживали. Он писал всю ночь, весь следующий день и ещё одну ночь. Забыл о голоде, о холоде, о долгах. Он снова был жив. Снова был поэтом. Снова был собой.

Он ещё не знал, что всего через несколько месяцев его найдут. Что Уолсингем прочтёт черновик. Что ему предложат сделку. Что он согласится.

Он ещё не знал, что через полгода будет стоять на палубе корабля, идущего в Новый Свет, и смотреть на исчезающий в тумане Лондон.

Он ещё не знал, что встретит её. Ту, о ком писал. Ту, ради которой воскрес.

Но всё это будет потом. А пока — апрель 1594 года, дождливая ночь, каморка над лавкой старьевщика. Человек без имени склоняется над листом бумаги и пишет первые строки пьесы, которая изменит всё.

Глава 2. Слова, которые не шли

Лондон, Ист-Энд. Апрель — май 1594 года.

Первые дни были лёгкими. Слова приходили сами — как гости, которых не ждали, но которым рады. Он исписал двадцать страниц за неделю. Сцена в шотландской деревне: юная Элис, рыжеволосая, босая, стоит на утёсе и смотрит на море. Сцена в порту: вербовка в экспедицию, грубые матросы, туман над водой. Сцена бури — он писал её ночью, под вой ветра в трубе, и строчки дрожали вместе с домом.

Он был счастлив. Впервые за год — счастлив.

Но счастье поэта — вещь ненадёжная. Оно уходит так же внезапно, как приходит.

На восьмой день слова кончились.

Он сидел за столом, смотрел на чистый лист и чувствовал знакомую пустоту. Нет, не пустоту — хуже. Там, в груди, что-то было. Какой-то образ, какая-то тень, какое-то ощущение огромного мира, который он не мог увидеть. Он знал, что Элис должна прибыть в Тартарию. Знал, что она встретит принца. Знал, что будет любовь, борьба, корона. Но всё это было... плоским. Картонным. Как декорация в театре, которую не доделали.

Чего-то не хватало. Он не мог понять, чего именно.

Он пытался. Боже, как он пытался. Переписывал одну сцену пять раз. Рвал бумагу. Начиная заново. Пил эль — не помогало. Пил что покрепче — становилось только хуже. Исаак, старый старьёвщик, смотрел на него с сочувствием и качал головой.

— Ты опять думаешь, — сказал он однажды.

— Я всегда думаю. Я поэт.

— Нет. Ты выдумываешь. А надо знать.

— Что знать? Я никогда не был в Тартарии. Никто не был. Это край света.

— Тогда иди туда, где о ней говорят.

Марло поднял голову. Посмотрел на старика. Исаак пожал плечами и вернулся к своему шитью.

На следующий вечер Марло снова пришёл в «Голову короля».

Таверна была та же — шумная, дымная, пропахшая элем и жареным мясом. Но сегодня здесь было тише. Дождь разогнал завсегдатаев по домам. Только несколько моряков спали в углу, положив головы на столы, да у стойки сидел какой-то пьяный дворянин, бессвязно бормотавший о долгах и неверной жене.

Марло подошёл к стойке. Бармен — крупный мужчина с обветренным лицом и седыми усами — вытирал кружки. Он посмотрел на Марло без особого интереса.

— Эль? — спросил он.

— Да. И разговор.

Бармен хмыкнул. Наполнил кружку. Подвинул.

— Разговор стоит дороже.

Марло бросил на стойку монету — из последних. Бармен взял её, попробовал на зуб, спрятал.

— Спрашивай.

— Тартария, — сказал Марло. — Что ты о ней знаешь?

Бармен перестал вытирать кружку. Посмотрел на Марло — долго, оценивающе.

— Опять ты, — сказал он. — Я тебя помню. Ты сидел в углу, когда Уилкинс разорился о своей шотландской императрице.

— Да. Это был я.

— И ты поверил?

Марло помолчал. Потом пожал плечами.

— Не знаю. Может быть.

Бармен усмехнулся. Поставил кружку на полку. Опёрся локтями о стойку.

— Послушай меня, друг. Я работаю в этой таверне двадцать лет. Двадцать лет, каждый вечер, одни и те же разговоры. Люди приходят сюда, пьют и рассказывают сказки. Кто-то видел морского змея у берегов Ирландии. Кто-то нашёл золото в землях инков. Кто-то слышал о стране, где люди живут по триста лет. Всё это — байки. Выдумки. Пьяные фантазии. И Тартария — такая же байка.

— Но тот старик...

— Старый Бен? — бармен махнул рукой. — Он плавает по морям сорок лет. У него в голове больше соли, чем мозгов. Он расскажет тебе и о Тартарии, и о летучих рыбах, и о русалках в Карибском море. Плати ему выпивку — он расскажет что угодно.

Марло опустил голову. Смотрел в свою кружку. Эль был тёплым и горьким.

— Значит, всё это ложь, — сказал он тихо. — Никакой Тартарии нет.

Бармен молчал. Это молчание длилось чуть дольше, чем следовало.

Марло поднял глаза. Бармен смотрел в сторону — туда, где в углу висела старая, запылённая картина. На ней был изображён корабль. Неумело, грубо, но корабль.

— Я этого не говорил, — сказал бармен тихо.

— Что?

Бармен вздохнул. Вытер руки о фартук. Перегнулся через стойку и понизил голос.

— Я сказал, что большинство историй — выдумки. Но не все. Есть одна история. Я слышал её не здесь. Не от пьяных моряков. Я слышал её от человека, который... — он запнулся. — В общем, это было давно.

Марло почувствовал, как сердце забилося быстрее.

— Расскажи.

Бармен посмотрел на него — всё так же оценивающе, но теперь с чем-то ещё. С сомнением? С любопытством?

— Зачем тебе это? — спросил он. — Ты кто вообще? Купец? Шпион? Поэт?

— Поэт, — сказал Марло. И это было первое честное слово за долгое время.

Бармен кивнул — медленно, словно что-то для себя решил. Он отошёл к двери, запер её на засов. Вернулся. Налил себе эля.

— Хорошо, — сказал он. — Я расскажу. Но предупреждаю: я сам не знаю, правда это или нет.

— Я слушаю.

Бармен отхлебнул эля. Вытер усы. Начал.

— Это было лет десять назад. Или двенадцать. Я тогда работал в другой таверне — «Красный лев», у Лондонского моста. Хорошее место. Чистое. Не то что эта дыра. И был у нас один завсегдатай. Старик. Очень старый. Лет восемьдесят, может, больше. Он приходил каждый вечер, садился у камина и пил разбавленное вино — большего не позволял желудок. Звали его Томас. Томас Партридж.

И вот однажды — я хорошо это помню, был канун Рождества, холодно, снег за окном — он рассказал мне историю. Он сказал, что это история его деда. А его дед жил очень, очень давно. Ещё до Войны Роз. До Генриха VII. Понимаешь?

Марло кивнул. Бармен продолжил.

— Дед этого Томаса был моряком. Плавал на торговых судах. И однажды — это было, кажется, в тысяча четыреста девяностом году или около того — его корабль стоял в устье Темзы. И он своими глазами видел, как в порт вошло судно. Огромное. Не английское. Не французское. Не испанское. Вообще ни на что не похожее. Высокие мачты. Станный флаг — корона и меч на синем поле. И построено оно было так, как не строят в Европе. Обшивка — внахлест. Носовая фигура — дракон. Не китайский, не европейский — особенный.

И на этом корабле, — бармен сделал паузу, — прибыла женщина.

Марло подался вперёд.

— Женщина?

— Да. Молодая. Очень молодая. Но не простая пассажирка. Её встречали, как встречают королев. Король Генрих VII — сам король, понимаешь? — лично прибыл в порт. С солдатами. Со свитой. С музыкантами. Трубы гремели. Флаги развевались. И эта женщина сошла на берег, и король склонил перед ней голову.

— Склонил голову? Король Англии?

— Так мне рассказали, — бармен пожал плечами. — Я не был там. Но старик клялся, что это правда. Его дед видел это собственными глазами. Он стоял на соседнем причале, в двадцати ярдах. Видел флаг. Видел корону на голове женщины. Видел, как король подал ей руку.

— Кто она была?

— Царевна, — сказал бармен. — Царевна Тартарии.

В таверне стало тихо. Только дождь стучал по крыше. Только свечи потрескивали на стойке. Марло смотрел на бармена, не мигая.

— Как её звали? — спросил он.

— Этого дед не запомнил. Точнее, старый Томас не помнил. Он говорил, имя было странное. Иностранное. Не то Марина, не то Мария. Что-то такое.

— Марина Септим, — прошептал Марло.

Бармен удивлённо поднял бровь.

— Ты знаешь это имя?

— Слышал, — сказал Марло. — Не помню где. Продолжай.

— Продолжать почти нечего. Они пробыли в Лондоне несколько недель. Царевна жила во дворце. Встречалась с королём. О чём они говорили — никто не знает. Потом корабль ушёл. Она уплыла обратно — на восток, в свою Тартарию. И больше никто никогда не слышал о таких гостях.

Бармен допил эль. Поставил кружку на стойку.

— Вот и вся история. Дед рассказывал её отцу Томаса. Отец — Томасу. Томас — мне. Я — тебе. Четыре поколения. Сто лет. Может, это всё выдумка. Может, старик что-то напутал. Может, это был не король, а какой-нибудь лорд-мэр. Может, не царевна, а жена купца. Кто теперь разберёт?

— Но ты веришь? — спросил Марло тихо.

Бармен долго молчал. Потом посмотрел на старую картину с кораблём.

— Я верю, что дед Томаса Партриджа что-то видел. Что-то необычное. Что-то, что он запомнил на всю жизнь и передал сыну. А уж было это тартарской царевной или нет... — он пожал плечами. — Кто знает? Мир большой. Может, и правда есть где-то такая земля. Может, и правда ею правит шотландка. А может, всё это — просто история, которую рассказывают в тавернах.

Марло встал. Голова кружилась — то ли от эля, то ли от услышанного.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. Ты заплатил.

Марло пошёл к выходу. Бармен окликнул его.

— Эй. Поэт.

Марло обернулся.

— Если напишешь про неё... про ту царевну... не забудь старика Партриджа. И его деда. Они бы обрадовались.

Марло кивнул и вышел в ночь.

Дождь кончился. Над Лондоном висели тучи, но кое-где уже проглядывали звёзды. Марло шёл по грязным улицам и чувствовал, как внутри что-то растёт. Что-то, чего не было раньше.

Он больше не выдумывал. Теперь он знал.

Тартария была. Марина Септим была. Сто лет назад тартарский корабль стоял в устье Темзы, и король Англии склонял голову перед царевной из далёкой страны. Это было не вымыслом. Это было историей. Забытой, искажённой, погребённой под слоями слухов и баек — но историей.

А если была Марина Септим, значит, была и Тартария. Если была Тартария, значит, была и Элис. Если была Элис...

Он почти бежал. Ворвался в свою каморку. Исаак что-то крикнул вслед — он не услышал. Зажёг свечу. Схватил перо.

Теперь он знал, чего не хватало. Не хватало правды. Не хватало ощущения, что он пишет не сказку, а реальность. Что его героиня — не выдумка, а женщина из плоти и крови. Что за её спиной — столетия. Династия. Предшественники. Что Тартария — не декорация, а страна с историей.

Он начал писать. И на этот раз слова шли.

Он писал о Марине Септим — легендарной царевне, которая пересекла океаны и встретила с королём Англии. Он вплетал её историю в пьесу — не как главную линию, но как тень, как эхо, как предвестие. Зритель должен был почувствовать: Элис не первая. Она — наследница. Она — часть великой традиции. Тартария была всегда. Просто мы забыли о ней.

Он писал до рассвета. До полудня. До следующего вечера. Он не спал. Не ел. Не чувствовал тела. Он был там — в Тартарии. Видел степи. Видел дворцы. Видел корабли под синими флагами.

И впервые за долгое время он был по-настоящему жив.

Глава 3. Карта

Лондон. Май 1594 года.

Проходили дни. Марло писал.

Он просыпался затемно, зажигал свечу и садился за стол. Перо скрипело по бумаге. Строчки громоздились одна на другую. Он писал о том, чего никогда не видел: о степях, где ветер гнёт траву до земли, о реках, которые шире Темзы в сто раз, о городах, построенных из камня и дерева, о базарах, где говорят на двадцати языках. Он выдумывал — что ему ещё оставалось? — но выдумывал с упоением. С той странной радостью, которую даёт только творчество.

Иногда он останавливался и перечитывал. Что-то выходило хорошо. Что-то — плоско, картонно. Он рвал листы, начинал заново. Исаак ворчал: бумага стоила денег.

Но в целом работа шла.

Элис на страницах его пьесы оживала. Она говорила, любила, боролась, сомневалась. Она пересекала моря. Выходила замуж за тартарского принца. Учила язык. Создавала грамматику. Марло писал о ней так, словно знал её всю жизнь. Может быть, знал. Может быть, в какой-то другой жизни.

И всё же ему было мало. Ему нужно было больше. Ему нужны были факты.

Однажды утром — солнце наконец выглянуло из-за туч, и Лондон ненадолго перестал быть серым — он отправился в библиотеку.

Не в королевскую, конечно. В королевскую его бы не пустили — мёртвых не пускают в библиотеки. Он пошёл в частное собрание, которое держал старый книготорговец по имени Уолтер Грейвз. Это было странное место: три этажа, забитых книгами, свитками, картами. Пахло пылью, старой кожей и воском. Грейвз знал всё и всех. Говорили, что он помнил каждую книгу, которая прошла через его руки за полвека.

Марло нашёл его на втором этаже — старик сидел за столом, протирает очки и перебирал какие-то пожелтевшие гравюры.

— Мистер Грейвз?

Старик поднял голову. Подслеповато прищурился.

— Кто здесь? Я не вижу.

— Уильям Кромвель, — сказал Марло, называя своё фальшивое имя. — Я ищу информацию. Об одной стране.

— О какой же?

— О Тартарии.

Грейвз перестал протирать очки. Надел их. Посмотрел на Марло — долго, изучающе.

— Тартария, — повторил он медленно. — Гм. Тартария.

Он встал. Подошёл к лестнице. Крикнул вниз:

— Молли! Принеси чай. У нас гость.

Потом вернулся к столу. Сел. Сложил руки на животе.

— Тартария, — сказал он в третий раз. — Знаете, молодой человек, я работаю с книгами пятьдесят три года. Я видел трактаты по алхимии, гримуары, атласы, путевые заметки. Я держал в руках рукописи, которым тысяча лет. Но я никогда, — он поднял палец, — никогда не держал в руках ни одной книги о Тартарии.

— То есть... ничего?

— Ничего. Ни хроник. Ни заметок. Ни трактатов. Если эта страна существует, — Грейвз пожал плечами, — она не пишет книг. Или не даёт их читать.

Марло почувствовал, как внутри опускается пустота. Опять. Снова.

— Значит, всё это вымысел, — сказал он глухо. — Сказки для пьяных моряков.

Грейвз ничего не ответил. Он смотрел в окно. Молчал. Потом вдруг нахмурился.

— Хотя... подождите.

Он встал. Подошёл к одному из шкафов — старому, запертому на ключ. Порылся в карманах. Достал связку. Долго перебирал ключи, бормоча что-то под нос. Наконец нашёл нужный. Отпер шкаф.

Внутри было темно. Пахло сыростью и временем.

Грейвз запустил руку в эту темноту — и вытащил наружу большой свёрток. Пожелтевший, потрескавшийся, перевязанный выцветшей лентой. Он положил его на стол. Сдул пыль.

— Это не книга, — сказал он. — Это карта.

Он развязал ленту. Развернул свёрток.

Это была карта. Огромная. Старая. Нарисованная от руки на толстом пергаменте. Чернила выцвели, но всё ещё можно было разобрать очертания континентов. Европа. Азия. Московия. Китай. Индия. И...

Марло затаил дыхание.

Там, к востоку от Московии, занимая почти всю северную часть Азии, огромными буквами было написано:

GRAND TARTARIA

Великая Тартария.

Он смотрел на карту и не мог оторваться. Тартария была огромна. Она простиралась от Уральских гор до Тихого океана. От ледяных пустынь севера до горных хребтов юга. Она была больше, чем вся Европа. Больше, чем Московия. Больше, чем Китай.

— Боже мой, — прошептал Марло. — Она такая огромная.

— Да, — сказал Грейвз спокойно. — Если верить карте, она больше Англии раз в сто. Может, больше.

Марло не мог оторвать взгляд от карты. Его палец скользил по пергаменту — от Москвы на восток, через степи, через реки, через горы. Вот здесь, должно быть, Тобол. Вот здесь —

Каспий. Вот здесь — граница с Китаем. Он видел города. Крепости. Караванные пути. Названия — странные, незнакомые, но звучащие как музыка: Тобольск, Каракорум, Беренгия.

— Откуда она у вас? — спросил он.

— От одного купца. Лет тридцать назад. Он утверждал, что купил её в Венеции, а туда она попала из Константинополя. Правда это или нет — не знаю. Но карта старая. Очень старая. Я бы сказал, ей лет сто. Может, больше.

Марло продолжал изучать карту. Вот здесь, на юге, была надпись: «Mare Caspium». Каспийское море — внутреннее море Тартарии. Вот здесь, на востоке: «Oceanus Pacificus». Тихий океан. У Тартарии был выход к океану. У неё были порты. Корабли. Колонии.

— Говорят, — сказал он тихо, — что эта страна существует. Другие говорят, что нет.

Грейвз кивнул.

— Именно так. Я сам не знаю. Я слышал разговоры. Слухи. Байки. Но эта карта... — он постучал пальцем по пергаменту. — Эта карта говорит, что Тартария есть. Или была. Или могла бы быть. Кто теперь разберёт?

Марло долго молчал. Потом поднял глаза.

— А как добраться до неё?

Грейвз посмотрел на него — и вдруг рассмеялся. Смех был сухим, как шелест пергамента.

— Добраться? Вы с ума сошли? Это невозможно.

— Почему?

— Потому что это другой мир, — Грейвз снял очки, потёр глаза. — Посмотрите на карту, молодой человек. Видите эти степи? Эти горы? Эти пустыни? Туда никто не ходит. Те, кто пытался — не возвращались. Московиты не пускают. Татары не пускают. Там война, разбой, болезни. Там другой климат. Другие законы. Другие люди. Если Тартария существует — а я не говорю, что она существует, — то она отгорожена от нас тысячами миль опасной земли. Добраться туда труднее, чем в Китай. Труднее, чем в Индию. Труднее, чем в Новый Свет.

— Но кто-то же добирался, — сказал Марло упрямо. — Шотландцы. Та экспедиция...

Грейвз махнул рукой.

— Это байка. Сказка. Может, они погибли в море. Может, замёрзли в снегах. Может, их убили татары. А история про шотландскую императрицу — просто выдумка. Красивая выдумка, но выдумка.

— Откуда вы знаете?

— Я не знаю. Но я знаю людей. И я знаю, как рождаются легенды. Кто-то что-то услышал. Пересказал. Приукрасил. И вот уже рыжая шотландка правит Тартарией. Завтра кто-нибудь скажет, что она умеет летать. Или что у неё есть ручной дракон. Или что она прожила триста лет. Легенды растут, как снежный ком.

Грейвз снова свернул карту. Аккуратно, бережно. Перевязал лентой.

— Я бы хотел купить её, — сказал Марло.

— Она не продаётся.

— Тогда хотя бы взглянуть ещё раз. Мне нужно запомнить. Для работы.

Грейвз посмотрел на него. Долго. Внимательно.

— Для какой работы?

— Я пишу пьесу.

Старик усмехнулся.

— О Тартарии?

— Да.

— И кто ваш герой?

— Героиня. Шотландка. Элис.

Грейвз покачал головой. Не осудительно. Скорее задумчиво.

— Ну что ж. Пишите. Может быть, ваша пьеса станет единственной книгой о Тартарии, которую я когда-нибудь увижу. — Он снова развернул карту. — Смотрите. Запоминайте. У вас есть час.

Марло склонился над картой. Его палец снова двинулся по пергаменту — от Лондона через моря, через Московию, через степи, всё дальше и дальше на восток. Он запоминал названия. Очертания. Пути.

Грейвз молча сидел рядом. Иногда комментировал:

— Вот это — Уральские горы. Дальше — Сибирь. Дальше — *terra incognita*. Неизвестная земля. Но на карте она называется Тартарией. Кто дал ей это имя? Когда? Почему? Неизвестно. Может быть, это просто ошибка картографа. Может быть, карта врёт. Карты часто врут.

— Но если она не врёт? — спросил Марло.

Грейвз помолчал.

— Тогда, — сказал он наконец, — где-то там, за горами и степями, есть страна, о которой мы почти ничего не знаем. Страна, которая больше всей Европы. Страна, у которой есть флот и армия. Страна, которая воюет с Китаем. И если ваша шотландка действительно существует... — он замолчал.

— Что? — спросил Марло.

— Тогда она — самая могущественная женщина в мире. И никто в Европе об этом даже не догадывается.

Марло смотрел на карту. На огромные буквы. На бескрайние просторы. Он чувствовал то же самое, что чувствовал ребёнком, когда впервые прочитал о подвигах Александра Македонского. Чувство огромного, неизведанного мира. Чувство, что где-то там, за горизонтом, есть нечто великое. Нечто, ради чего стоит жить. И умереть.

Он провёл в библиотеке до вечера. Когда он уходил, Грейвз остановил его в дверях.

— Молодой человек.

— Да?

— Если вы действительно верите в эту страну... если вы действительно хотите узнать о ней больше... — он помолчал. — Есть один человек. Мой старый знакомый. Он много путешествовал. Бывал в Московии. Может быть, даже дальше. Я не знаю, расскажет ли он вам что-нибудь. Но попробовать можно.

— Как его зовут?

— Ричард Хаклюйт. Он священник. И географ. Живёт где-то в Вестминстере. Найдите его. Скажите, что от Уолтера Грейвза. Может быть, он вас примет.

— Спасибо, — сказал Марло.

— Не благодарите, — ответил Грейвз, закрывая дверь. — И помните: эта карта — всего лишь пергамент. Она может врать.

Марло вышел на улицу. Над Лондоном снова собирался дождь. Но ему было всё равно.

Он знал, куда идти дальше.

Глава 4. Сомнение

Лондон, Вестминстер — Ист-Энд. Май 1594 года.

Дом Ричарда Хаклюйта стоял в тихом переулке недалеко от аббатства. Это был старый, но ухоженный особняк — из тех, что принадлежат людям, которые не гонятся за модой, но ценят порядок. Ступени были чисто выметены. Дверь выкрашена тёмно-зелёным. Над дверью висела табличка с именем — скромная, без герба, без титулов. Просто: *Richard Hakluyt*.

Марло постучал. Долго ждал. Потом дверь открыл сам хозяин — человек лет сорока, с острым лицом, умными глазами и небольшой бородкой, в которой уже пробивалась седина. Одет он был просто: тёмный камзол, белый воротник священника. Никаких украшений. Никакой роскоши.

— Чем могу служить? — спросил он. Голос был тихим, но твёрдым.

— Мистер Хаклюйт? Меня зовут Уильям Кромвель. Я от Уолтера Грейвза.

Хаклюйт прищурился.

— От старого Грейвза? Он ещё жив?

— Живее всех живых.

Священник хмыкнул. Посторонился.

— Входите.

Внутри дом оказался ещё более удивительным, чем снаружи. Вся гостиная была заставлена книгами, картами, глобусами. На стенах висели навигационные приборы — компасы, астролябии, квадранты. На большом столе лежала незаконченная рукопись. Пахло чернилами, воском и чем-то ещё — чем-то, что Марло не сразу узнал. Потом понял: солью. Так пахнут вещи, привезённые с моря.

Хаклюйт предложил ему сесть. Сам сел напротив. Сложил руки на столе.

— Итак, мистер Кромвель. Что привело вас ко мне?

— Тартария, — сказал Марло.

Хаклюйт не удивился. Только бровь чуть приподнялась.

— Тартария, — повторил он задумчиво. — Интересный выбор темы. И что именно вас интересует?

— Всё. Всё, что вы знаете.

Хаклюйт откинулся в кресле. Посмотрел в окно. Молчал довольно долго.

— Знаете, мистер Кромвель, — сказал он наконец, — я посвятил свою жизнь изучению путешествий. Я собираю рассказы моряков, купцов, миссионеров. Я издал книгу о плаваниях англичан в Новый Свет. Я переписываюсь с десятками людей по всему миру. И я могу рассказать вам о Московии. О Персии. О Китае. Об Индии. О землях, о которых вы даже не слышали. Но Тартария...

Он покачал головой.

— Тартария — это белое пятно. Никто из тех, кого я знаю, никогда не был там. Или, по крайней мере, не вернулся, чтобы рассказать.

— Но карты, — сказал Марло. — Я видел карту. Там написано «Grand Tartaria». Она огромна.

— Карты — да. Карты говорят многое. Но карты часто врут. Картографы рисуют то, о чём слышали. А слышат они разное. — Хаклюйт встал, подошёл к полке, взял какую-то книгу. — Вот, посмотрите. Это «Путешествия» Марко Поло. Он писал о Тартарии. Он называл её страной великого хана. Но с тех пор прошло триста лет. Мир изменился. Империя монголов пала. Что там сейчас — не знает никто.

— Но кто-то же ездил туда? — настаивал Марло. — Должны были быть экспедиции. Путешественники.

Хаклюйт вернулся в кресло. Задумался.

— Экспедиции были, — сказал он. — Но не в Тартарию. В Московию.

Он взял со стола рукопись — ту самую, над которой работал. Перелистал.

— В тысяча пятьсот пятьдесят третьем году сэры Хью Уиллоби и Ричард Ченслер отправились на поиски северо-восточного прохода в Китай. Вы слышали о них?

— Смутно.

— Уиллоби погиб. Замёрз со всей командой где-то у берегов Лапландии. Но Ченслер выжил. Он добрался до Московии. Был принят царём Иваном. Вернулся с торговым договором. Так началась английская торговля с Московией. Потом были другие. Дженкинсон. Бэрроу. Они плавали по Волге. Добирались до Каспия. Ходили в Персию. Но дальше...

Хаклюйт покачал головой.

— Дальше — *terra incognita*. Неизвестная земля. Московиты не пускают чужеземцев вглубь континента. Татары не пускают. Степи опасны. Там война. Разбой. Болезни. Те немногие, кто пытался идти дальше на восток, либо погибли, либо пропали без вести.

Марло слушал, затаив дыхание. Потом решился.

— А что вы слышали о шотландской экспедиции?

Хаклюйт нахмурился.

— О чём?

— Говорят, много лет назад группа шотландцев отправилась в Московию. А оттуда — дальше, в Тартарию. И среди них была женщина. Элис. Она вышла замуж за тартарского принца. А теперь она императрица.

Хаклюйт долго молчал. Потом усмехнулся — не насмешливо, но скептически.

— Императрица Тартарии — шотландка? — переспросил он. — Занятно. Очень занятно. Никогда не слышал ничего подобного.

— Значит, это байка?

— Не знаю, — Хаклюйт пожал плечами. — Я знаю только то, что слышал от надёжных людей. А от надёжных людей я о шотландской императрице не слышал ничего. Но... — он задумался. — Я слышал кое-что другое.

Марло подался вперёд.

— Что?

— Я слышал, что в английских экспедициях в Московию иногда ездили семьями. Купцы брали с собой жён, детей, слуг. Это было редко, но бывало. И я слышал, — он понизил голос, — что иногда с нашими купцами ездили шотландцы.

— Шотландцы? С англичанами?

— Да. Шотландцы — предприимчивый народ. А Московия — большой рынок. Меха. Воск. Лес. Если шотландский купец хотел торговать, ему проще было примкнуть к английской компании, чем создавать свою. Так что... — он развёл руками, — теоретически это возможно. Какая-нибудь шотландская семья могла отправиться с нашими купцами. Могли уйти дальше на восток. Могли осесть где-то. Могли... всё, что угодно. Но это только догадки. Никаких имён. Никаких записей. Никаких доказательств.

— То есть вы думаете, что это вряд ли?

Хаклюйт посмотрел на него. В его глазах была не насмешка — скорее, сочувствие.

— Я думаю, — сказал он мягко, — что мир полон удивительных историй. Некоторые из них правдивы. Большинство — нет. И отличить одно от другого очень трудно. Особенно когда история звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Марло опустил голову. Он чувствовал, как внутри что-то рушится. Что-то, что он строил последние недели.

— Вы советуете мне бросить эту затею? — спросил он тихо.

— Я ничего не советую, — ответил Хаклюйт. — Вы пишете пьесу. Пишите. Пишите что угодно. Ваша Элис может быть кем угодно. Хоть шотландкой. Хоть китайкой. Хоть королевой фей. Театр — это вымысел. Никто не ждёт от поэта правды.

— Но я жду, — сказал Марло. — Я хочу знать. Я хочу знать, что она существует.

Хаклюйт посмотрел на него долгим взглядом. В этом взгляде было что-то странное. Что-то похожее на узнавание.

— Вы очень странный человек, мистер Кромвель, — сказал он наконец. — Поэты обычно не ищут правды. Они ищут красивые слова.

— Я не обычный поэт.

— Вижу. — Хаклюйт встал. Подошёл к книжному шкафу. Достал небольшую книгу в потёртом переплёте. — Вот. Возьмите. Это записки Энтони Дженкинсона. Он плавал в Мос-

ковию и Персию при королеве Марии. Там есть кое-что о землях к востоку от Волги. Не Тартария, но ближе к ней, чем что-либо ещё. Может быть, пригодится.

Марло взял книгу. Она была старой, зачитанной. Страницы пожелтели.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что. — Хаклюйт проводил его до двери. На пороге остановился. — И ещё, мистер Кромвель. Если вы действительно хотите узнать правду... не ищите её в Лондоне. Здесь вы найдёте только слухи. Правду ищут в других местах.

— Где?

Хаклюйт помолчал.

— В море, — сказал он. — В дороге. В тех землях, о которых вы пишете. Если ваша Элис существует, она не в книге. Она там. — Он махнул рукой куда-то на восток. — А всё, что написано здесь, — он кивнул на свои полки, — это только тени. Отражения. Отголоски. Реальность всегда больше.

Он закрыл дверь. Марло остался на улице один.

Домой он шёл долго. Петлял по улицам. Сам не замечал, куда идёт. В голове крутились слова Хаклюйта: *«Слишком хорошо, чтобы быть правдой»*. *«Байка»*. *«Никаких доказательств»*. *«Театр — это вымысел»*.

Он зашёл в таверну. Заказал эль. Выпил. Заказал ещё. Никто ему не мешал. Никто не приставал с разговорами. Он сидел в углу и смотрел в кружку.

«Что я делаю? — думал он. — Что я вообще делаю?»

Он пишет пьесу о женщине, которой, возможно, не существует. О стране, которую никто не видел. О событиях, которые никогда не происходили. Он тратит последние деньги. Последние силы. Последние дни своей жизни — жизни, которая и так украдена у смерти.

Ради чего? Ради вымысла?

Может быть, старый библиотекарь прав. Может быть, Хаклюйт прав. Может быть, всё это — просто сказка. Красивая, захватывающая, но сказка.

Он допил эль. Вернулся в свою каморку. Исаак уже спал. Свеча на столе почти догорела. На столе лежала рукопись — его пьеса. «Элис Шотландская, Правительница Востока». Двести страниц. Двести страниц вымысла.

Он сел за стол. Открыл рукопись. Прочитал первую сцену. Потом вторую. Потом третью. Слова были хорошими. Местами — блестящими. Но теперь они казались ему пустыми. Как картонные декорации. Как раскрашенные куклы.

Он закрыл рукопись. Отложил. И вдруг — сам не зная почему — потянулся к другой стопке бумаг. Там, в самом низу, лежала старая, пожелтевшая рукопись. Его первая пьеса. Та, что сделала его знаменитым. Та, которую он написал, когда был молод, дерзок и ещё не умирал в Дептфорде.

«Тамерлан Великий».

Он открыл первую страницу. Прочитал первые строки — те самые, которые когда-то прогремели на всю Англию:

«Из низких пастырей судьба возносит

Героев к высочайшим небесам...»

Он помнил эту пьесу наизусть. Каждое слово. Каждый монолог. Он помнил, как писал её — в маленькой комнате в Кембридже, ночами напролёт, сжигая свечи и собственное здоровье. Он помнил, как она родилась. Не из книг. Не из карт. Не из разговоров с учёными мужами.

Она родилась из ничего.

У него не было никаких сведений о Тамерлане. Он читал какие-то обрывки. Слышал какие-то слухи. Но в основном — он выдумал его. Выдумал целиком. От первого до последнего слова. И эта выдумка оказалась сильнее правды. Она потрясала зрителей. Она заставляла их плакать и смеяться. Она сделала его — Кита Марло, сына сапожника — величайшим драматургом Лондона.

Он выдумал Тамерлана.

И никто не спрашивал, существовал ли Тамерлан на самом деле. Никто не требовал доказательств. Потому что на сцене он был настоящим. Более настоящим, чем многие живые люди.

Марло поднял голову. Посмотрел на свою новую рукопись. На имя «Элис». На слова, которые ещё вчера казались ему такими важными.

— Какой же я дурак, — сказал он вслух. — Какой же я дурак.

Он гонялся за правдой. Он искал доказательств. Он опрашивал свидетелей. Он изучал карты. Как будто правда имеет значение. Как будто поэзия нуждается в оправдании.

Тамерлан был вымыслом. И он был велик. Фауст был вымыслом. И он был грандиозен. Так почему Элис должна быть другой? Почему он требует от этой истории больше, чем от прежних?

Он засмеялся. Горько. Тихо. Но смех был искренним.

Он взял перо. Обмакнул в чернила. Открыл рукопись на том месте, где остановился. И начал писать.

Теперь он писал иначе. Свободнее. Смелее. Он не боялся ошибиться. Он не боялся выдумать. Если степь должна быть золотой — пусть будет золотой. Если император должен говорить стихами — пусть говорит. Если любовь должна вспыхнуть с первого взгляда — пусть вспыхнет.

Он писал не историю Тартарии. Он писал её душу.

И впервые за много дней он чувствовал себя счастливым.

Где-то глубоко за полночь он отложил перо. Посмотрел на исписанные листы. Пьеса росла. Она становилась чем-то большим, чем он ожидал. Чем-то, чего он сам ещё не понимал.

Он задул свечу. Лёг на свою жёсткую кровать. Устался в потолок. И перед тем как провалиться в сон, подумал:

«А всё-таки... она существует. Должна существовать. Где-то там. За морями. За степями. За горизонтом».

Он не знал, правда это или нет.

Но он решил верить.

Глава 5. Шотландия

Лондон. Июль 1594 года.

Прошло два месяца.

Лето в Лондоне было душным и влажным. Воздух пах Темзой, нечистотами и дымом. Богатые уехали в поместья. Бедные остались — умирать от чумы, которая, как всегда, пришла с жарой. Марло остался тоже. Не потому, что некуда было ехать, а потому что не на что.

Деньги кончились давно. Исаак, добрая душа, всё ещё не гнал его, но в глазах старьевщика всё чаще мелькало что-то похожее на усталость. Марло это понимал. Понимал и не обижался. Он сам бы на месте Исаака давно вышвырнул такого жильца.

Пьеса продвигалась медленно. После того ночного прозрения он писал свободнее, но свобода не означала лёгкости. Слова приходили и уходили. Иногда он выдавал по десять страниц за ночь. Иногда сидел часами, глядя в стену. Но он не бросал. Он решил верить — и вера требовала труда.

Он перебивался случайными заработками: переписывал бумаги для адвокатов, сочинял любовные записки для неграмотных служанок, даже попробовал наняться учителем в одну

школу — но его не взяли. Учитель с фальшивым именем и шрамом над глазом вызывал слишком много вопросов.

К середине июля он исхудал так, что старый камзол болтался на нём, как на вешалке. Но глаза всё ещё горели. Тот самый огонь, который когда-то заставлял лондонские театры взрываться аплодисментами, никуда не делся. Он только ушёл глубже — в самое сердце.

В тот вечер он снова пришёл в «Голову короля». Не из привычки. Не от отчаяния. Просто потянуло. Сам не знал почему.

Таверна встретила его привычным шумом. Свечи чадили. Пиво лилось. В углу играли в кости. За стойкой стоял тот же бармен — с седыми усами и вечной тряпкой в руках. Увидев Марло, он кивнул:

— А, поэт. Живой ещё?

— Пока да.

— Это ненадолго. Выглядишь хуже, чем в прошлый раз. Эль?

— Денег нет.

— За счёт заведения. Ты тут уже как мебель.

Бармен налил кружку. Марло взял её с благодарностью, которую не высказал вслух. Он сел в угол — туда, где когда-то впервые услышал историю о Тартарии — и погрузился в свои мысли.

Он не заметил, как открылась дверь. Не заметил, как кто-то подошёл к его столу. Заметил только, когда тень упала на столешницу.

— Мистер Кромвель?

Он поднял голову. Перед ним стоял Ричард Хаклюйт — священник, географ, человек, который знал о путешествиях больше всех в Лондоне. Он был одет не в сутану, а в простой дорожный плащ. Видимо, зашёл по пути. В руке он держал кружку эля.

— Мистер Хаклюйт? — Марло удивился. — Вы здесь? В этой дыре?

— Я могу задать вам тот же вопрос, — Хаклюйт сел напротив. — Я искал вас. Грейвз сказал, что вы живёте где-то в Ист-Энде. А ваш домовладелец — старый еврей с очень подозрительным взглядом — сказал, что вы, скорее всего, здесь.

— Исаак. Да. Он хорошо меня знает.

Хаклюйт отпил эля. Поморщился.

— Ужасное пойло. Как вы это пьёте?

— Привычка.

— Дурная привычка.

Они помолчали. Потом Хаклюйт поставил кружку на стол и посмотрел на Марло — тем самым острым, изучающим взглядом, который Марло помнил по первой встрече.

— Вы тогда задали мне вопрос, — сказал Хаклюйт. — О Тартарии. О шотландской экспедиции. Помните?

— Помню.

— Вы меня заинтересовали.

Марло поднял бровь.

— Я? Заинтересовал вас?

— Да. Я ведь учёный, мистер Кромвель. А учёные не любят вопросов, на которые у них нет ответа. Ваш вопрос не давал мне покоя. И я решил проверить.

Хаклюйт запустил руку за пазуху и достал небольшой кожаный футляр. Из футляра извлёк несколько листов бумаги — исписанных, с загнутыми краями. Положил на стол.

— Я поднял свои архивы. Все записи. Все судовые журналы. Все отчёты Московской компании за последние тридцать лет. Это заняло два месяца. Но я кое-что нашёл.

Марло почувствовал, как сердце забилось быстрее. Он смотрел на бумаги и боялся дышать.

— Что? — спросил он хрипло. — Что вы нашли?

Хаклюйт разложил листы. Один из них был старым — очень старым, пожелтевшим, с выцветшими чернилами. Это была копия судового журнала. Или, скорее, списка пассажиров.

— Вот, — Хаклюйт ткнул пальцем в середину страницы. — Смотрите. Экспедиция тысяча пятьсот семьдесят второго года. Корабль «Эдуард Бонавентура». Порт отправления — Лондон. Порт назначения — Холмогоры, Московия. Среди пассажиров...

Марло склонился над бумагой. Чернила выцвели, почерк был неразборчивым, но он всё-таки смог прочитать:

...Dugald MacKenzie, merchant of Edinburgh, with wife Margaret and...

Дальше следовало неразборчивое слово. Не то «children», не то «child». И ниже — ещё одна строка:

...three persons in total...

Три человека. Муж, жена и...

— Ребёнок, — прошептал Марло. — У них был ребёнок.

— Был, — подтвердил Хаклюйт. — Но имена детей не указаны. Видите? — он показал пальцем. — Тут просто «и семья». Три человека. Больше ничего.

— А где они сейчас?

Хаклюйт вздохнул. Откинулся на спинку стула.

— Вот тут, — сказал он медленно, — история и умолкает.

— То есть?

— То есть я не знаю, вернулись они или остались. В журналах Московской компании есть записи о возвращении многих путешественников. МакКензи среди них нет. Но это не значит, что они не вернулись. Это значит только, что я не нашёл записей. Может быть, записи утеряны. Может быть, они вернулись через другой порт. Может быть, они вообще не вернулись. Может быть, умерли. Может быть, осели где-то в Московии. Может быть...

— Может быть, они пошли дальше на восток, — перебил Марло. — В Тартарию. И дочь осталась там.

Хаклюйт долго смотрел на него. Потом покачал головой.

— Может быть. Но это только предположение. Доказательств нет.

Марло схватил бумагу. Вгляделся в имена. Дугал МакКензи. Маргарет МакКензи. Купец из Эдинбурга. Три человека.

— А где они жили? — спросил он быстро. — В Эдинбурге? У вас есть адрес?

— В списке указано только «Эдинбург». Без подробностей. Это было больше двадцати лет назад. Они могли переехать. Могли умереть. Могли...

— Но я могу поехать в Шотландию и узнать!

Хаклюйт усмехнулся — не зло, но с оттенком грусти.

— Можете. Если хотите. Но я думаю, это пустая трата времени. И денег.

Марло замолчал. Пустая трата времени и денег. Денег, которых у него не было. Времени, которое утекало, как вода сквозь пальцы.

Он смотрел на бумагу. На имена. На строчки, которые были единственной ниточкой, связывающей его с Элис. С реальной Элис. Не с той, которую он выдумал, а с той, которая где-то жила, дышала, правила.

— Я сейчас нищий, — сказал он тихо. — Я еле выкарабкиваюсь.

Хаклюйт кивнул. Без осуждения. Без насмешки. Просто кивнул, как человек, который понимает.

— Тогда, может быть, вам стоит бросить эту затею, — сказал он мягко. — Я серьёзно. Вы пишете пьесу. Отлично. Пишите. Но не тратьте жизнь на погоню за призраками. Тартария — не место для бедных поэтов. Даже если она существует.

Он встал. Допил эль. Поморщился.

— Ужасное пойло, — повторил он. — Берегите себя, мистер Кромвель. И если всё-таки решите ехать — дайте знать. Я дам вам рекомендательное письмо к одному человеку в Эдинбурге. Он архивариус. Может быть, поможет.

— Спасибо, — сказал Марло.

— Не благодарите. Это всё, что я могу сделать.

Хаклюйт положил на стол монету — за эль — и ушёл. Дверь за ним закрылась. Таверна снова наполнилась шумом. Кто-то смеялся. Кто-то спорил. Кто-то пел пьяную песню.

Марло остался один. Перед ним лежала бумага — список пассажиров, выцветшие чернила, три слова. *Dugald MacKenzie, merchant of Edinburgh, with wife Margaret...*

Шотландия.

Он произнёс это слово про себя. Потом вслух — шёпотом, одними губами:

— Шотландия.

Путь не близок. Четыреста миль до границы. Ещё сто — до Эдинбурга. Лошади у него нет. Денег на дилижанс — тоже. Можно попробовать наняться попутчиком к какому-нибудь купцу. Можно просто идти пешком — неделя, две, три. Ночи под открытым небом. Дождь. Ветер. Холод.

Он посмотрел на свои сапоги. Они были старыми. Ещё немного — и подошва отвалится совсем.

— Нужно попробовать, — сказал он сам себе.

Попробовать. Даже если это безумие. Даже если это пустая трата времени и денег. Даже если в Эдинбурге его ждёт ничего. Если МакКензи умерли. Если дом снесли. Если соседи забыли.

Он должен попробовать.

Потому что где-то там, за горами и степями, есть женщина. Женщина, которую он никогда не видел. Женщина, о которой он пишет пьесу. Женщина, которая, возможно, даже не подозревает о его существовании.

Но если её родители живы... если они знают... если они могут рассказать...

Он должен найти их.

Он сложил бумагу. Спрятал за пазуху. Встал.

Бармен посмотрел на него.

— Уходишь?

— Да.

— Куда?

— В Шотландию.

Бармен хмыкнул. Ничего не сказал. Только покачал головой и вернулся к своим кружкам.

Марло вышел на улицу. Ночь была тёплой. Где-то вдалеке гремела гроза. Он стоял на пороге таверны и смотрел на север — туда, где за домами, за городскими стенами, за полями и холмами, за четырьмя милями отсюда лежала Шотландия.

— Нужно попробовать, — повторил он. — Хоть пешком. Хоть ползком. Нужно попробовать.

Он зашагал к дому — собирать вещи.

Глава 6. Корабль в Шотландию

Лондон, порт. Июль 1594 года.

Утро выдалось серым и влажным — обычное лондонское утро, когда небо сливается с рекой, а воздух пахнет рыбой, солью и дымом. Марло проснулся рано, ещё до колоколов, и долго лежал на своей жёсткой кровати, глядя в потолок. Потом встал. Умылся холодной водой из таза. Надел то, что было: старый камзол, потрёпанные штаны, сапоги, которые держались на честном слове. Котомка была собрана ещё с вечера.

Исаак уже не спал — сидел внизу, в своей лавке, перебирал какие-то тряпки. Когда Марло спустился, старик поднял голову и посмотрел на него — долгим, всё понимающим взглядом.

— Уходишь, — сказал он. Это был не вопрос.

— Ухожу, — ответил Марло. — В Шотландию.

— Шотландия, — Исаак покачал головой. — Дикая страна. Холодная. Люди там грубые. Еда невкусная.

— Я слышал, у них хороший виски.

— Виски — да. Но виски не на что купить, если ты нищий.

Марло усмехнулся.

— Я вернусь, Исаак. Рано или поздно. И заплачу за всё.

— Не сомневаюсь, — старик отвернулся к своим тряпкам. — Ты странный человек, Уильям Кромвель. Или как тебя там. Но странные люди либо погибают, либо становятся легендами. Третьего не дано.

Он помолчал. Потом добавил:

— Я пока не буду сдавать твою комнату. Месяц. Если не вернёшься через месяц — сдам.

— Спасибо.

— Не за что. Иди уже.

Марло вышел на улицу. Утро разгоралось. Город просыпался. Торговцы открывали лавки. Служанки спешили на рынок. Нищие тянули руки к прохожим. Он шёл по знакомым улицам — Флит-стрит, Ладгейт-хилл, вниз, к реке — и думал о том, что, может быть, видит всё это в последний раз. Может быть, корабль утонет. Может быть, в Шотландии его убьют. Может быть, он никогда не вернётся в Лондон.

Эта мысль не пугала его. Скорее — бодрила.

Порт встретил его шумом, суетой и криками чаек. У причалов стояли десятки судов: большие галеоны, готовые к дальним плаваниям; рыбацкие баркасы, пропахшие треской; купеческие шхуны под голландскими, французскими, датскими флагами. Грузчики таскали тюки. Матросы перекрикивались. Где-то рядом торговались купцы, а чуть дальше — кричал зазывала, рекламируя дешёвый эль для отплывающих.

Марло шёл вдоль причалов и высматривал корабль. Ему нужен был не большой галеон и не военный фрегат, а скромное торговое судно — из тех, что ходят вдоль восточного побережья, доставляя товары из Англии в Шотландию и обратно.

Он нашёл его у дальнего причала.

Корабль назывался «Северная звезда». Это была небольшая двухмачтовая шхуна — крепкая, но выдававшая виды. Борта потемнели от времени, паруса были залатаны, но всё в ней говорило о том, что она пережила не один шторм и переживёт ещё. На палубе суетились матросы — таскали бочки, крепили канаты, проверяли такелаж.

Марло подошёл ближе. Остановился у сходней. И в этот момент на палубе появился капитан.

Это был высокий, широкоплечий мужчина лет пятидесяти. Лицо — обветренное, загорелое до черноты, с глубокими морщинами, которые оставляют только море и время. Борода — седая, короткая, жёсткая. Глаза — светлые, холодные, как северное небо. Одет он был в простой капитанский камзол, потёртый, но добротный. На поясе висел нож. В зубах — потухшая трубка.

Марло кашлянул.

— Сэр? Вы капитан этого судна?

Человек обернулся. Смерил Марло взглядом с головы до ног — оценивающе, как осматривают лошадь перед покупкой. Видимо, осмотр ему не понравился, потому что он нахмурился.

— Капитан Томас Блэквуд, — сказал он коротко. Голос был грубым, с хрипотцой. — Чего тебе?

— Вы отплываете в Шотландию?

— В Эдинбург. Завтра на рассвете. — Он вынул трубку изо рта и ткнул ею в сторону Марло. — А тебе зачем?

— Я хотел бы отплыть с вами.

Блэквуд хмыкнул. Потом, неожиданно, расхохотался — громко, раскатисто.

— Попутчик? На «Северной звезде»? — он покачал головой. — Нет. Попутчиков не берём. Корабль полон. Груз, команда — и так повернуться негде. Извини. Ищи другое судно.

Он повернулся, чтобы уйти. Но Марло не отступил.

— Я могу быть рабочим.

Капитан остановился. Медленно обернулся. Снова смерил Марло взглядом — на этот раз ещё более пристальным.

— Ты? — он усмехнулся. — Да тебя ветром сдует с палубы. Ты такой худой, что тебя можно использовать вместо каната. Чего ты можешь-то?

— Я могу драить полы.

Блэквуд поднял бровь. Потом вынул трубку изо рта и сплюнул за борт.

— Драить полы, говоришь? — он задумался. — Вообще-то юнга нам нужен. Прежний сбежал в Грейвсенде, сказал, что море — не его. Оставил нас без уборки. Палуба грязная, камбуз грязный, в кубрике свиньи чистоплотнее моих матросов.

Он шагнул ближе. Посмотрел Марло прямо в глаза.

— Работа тяжёлая. Вставать затемно. Ложиться за полночь. Мыть, скрести, таскать. И всё это — в любую погоду. В дождь. В шторм. Когда волны бьют через борт, а ветер валит с ног. Справишься?

— Справлюсь.

— Откуда такая уверенность?

— Мне очень нужно в Шотландию.

Блэквуд ещё раз оглядел его. Худого. Бледного. Со шрамом над бровью. С горящими, как у голодного волка, глазами.

— Ладно, — сказал он наконец. — Отплываем завтра, на рассвете. Будешь юнгой. За еду и проезд. Жалованья не получишь — ты не матрос. Если устроишь бунт, будешь пьян или начнёшь воровать — высажу на ближайшем берегу. Без разговоров. Понял?

— Понял.

— И ещё, — капитан понизил голос и кивнул в сторону города. — Сегодня вечером будь осторожен. Мои матросы сейчас в портовых тавернах. Если шотландцы вернутся пьяными — будет неспокойно. Они хорошие парни, но когда пьют — черти. Особенно МакГрегор.

— МакГрегор?

— Рыжий такой. Здоровый. У него кулаки как кузнечные молоты. Если увидишь — не спорь, не лезь, не геройствуй. Просто уйди с дороги.

— Я запомню, — сказал Марло.

— Хорошо. Тогда до завтра. Не опаздывай. Если опоздаешь — уйдём без тебя. «Северная звезда» не ждёт никого.

Блэквуд отвернулся и пошёл обратно на палубу, выкрикивая на ходу приказы. Матросы забегали быстрее. Где-то заскрипела лебёдка, поднимая очередной тук.

Марло стоял у причала и смотрел на корабль. На его облупившиеся борта. На потрёпанные паруса. На чаек, кружащих над мачтами. Он никогда не плавал дальше Дувра. Он не знал, что такое Северное море. Не знал, выдержит ли его желудок качку, а руки — работу. Но он знал одно: завтра он покинет Лондон. Завтра он сделает первый шаг.

Он повернулся и пошёл обратно в город.

Дома — если можно было назвать домом каморку над лавкой старьёвщика — он собрал последние вещи. Рукопись «Элис Шотландской». Старые заметки. Запасное перо. Кусок хлеба, завернутый в тряпицу. Вот и всё его имущество. Всё, что осталось от Кристофера Марло — драматурга, поэта, дуэлянта, шпиона.

Исаак сидел внизу. Когда Марло спустился, старик посмотрел на его котомку и спросил:

— Нашёл корабль?

— Нашёл. «Северная звезда». Отплываю завтра.

— Капитан?

— Блэквуд.

— Томас Блэквуд? — Исаак поднял бровь. — Знаю его. Старый морской волк. Ходит в Шотландию уже лет двадцать. У него железная рука и гнилые зубы, но корабль не терял ни разу. Это хороший выбор.

— Я не выбирал. Это он выбрал меня.

— Даже лучше. — Исаак встал. Подошёл к шкафу. Достал оттуда небольшой флакон из тёмного стекла. — Вот. Возьми.

— Что это?

— Имбирная настойка. От морской болезни. Тебе пригодится. Ты не похож на человека, который хорошо переносит качку.

Марло взял флакон. Повертел в руках.

— Спасибо, Исаак. За всё.

— Не за что, — старик махнул рукой. — Я же сказал: ты странный человек. Станным людям нужно помогать. Мир и так слишком обычный.

Они помолчали. Потом Исаак сказал:

— Иди. Выспись. Завтра тяжёлый день.

Марло кивнул. Поднялся в свою каморку. Сел на кровать. Посмотрел на голые стены — они стали почти родными за эти месяцы. Завтра он их покинет.

Завтра он поплывёт на север.

Он лёг. Закрыл глаза. И перед тем, как провалиться в сон, подумал: «Шотландия. Эдинбург. МакКензи. Я найду их. Я обязательно их найду».

За окном кричали чайки. Где-то вдалеке гремели колокола. Лондон жил своей жизнью.

А Марло снились бескрайние степи, золотые дворцы и рыжеволосая женщина, стоящая на балконе над морем.

Глава 7. «Северная звезда»

Северное море. Июль 1594 года.

Он проснулся затемно — ещё до петухов, до колоколов, до первых лучей солнца. Лондон спал. Даже вечно пьяные матросы в порту ещё не начинали свои утренние песни. Марло встал, плеснул в лицо холодной водой, схватил котомку и вышел на улицу. Исаак ещё спал — будить не стал. Попрощались вчера.

Улицы были пусты. Только бродячие собаки провожали его взглядами. Туман полз от реки, окутывая дома, мостовые, фонари. Марло почти бежал — боялся опоздать. Капитан Блэквуд сказал ясно: «Если опоздаешь — уйдём без тебя. „Северная звезда“ не ждёт никого».

Когда он добежал до причала, небо на востоке только начинало сереть. Корабль стоял на месте — уже не сонный, а живой, готовый к отплытию. Матросы суетились на палубе, отвязывали канаты, поднимали якорь. У сходней стоял капитан Блэквуд. Увидев Марло — запыхавшегося, с взмокшими волосами и котомкой в руке, — он усмехнулся.

— А вот и ты, — сказал он. — Думали, не придёшь.

— Я же сказал, что приду.

— Мало ли что говорят люди. Люди врут. Особенно те, кто ищет работу. — Он сплюнул в воду. — Ладно, проходи. Скоро отплываем. Брось вещи в кубрике и сразу на палубу.

Марло взбежал по сходням. Ноги ступили на палубу — неровную, влажную от утренней росы, пахнущую солью и старой рыбой. Он на мгновение замер. Всё. Обратного пути нет.

Кубрик — общая каюта для команды — оказался тесным и тёмным. Низкий потолок, деревянные нары в два яруса, запах пота, табака и дешёвого эля. Несколько матросов уже храпели на своих местах. Другие сидели, протирая глаза. Марло нашёл свободный угол, бросил котомку. Никто не обратил на него внимания.

Через полчаса он уже стоял на палубе. Капитан Блэквуд отдавал последние приказы. Якорь подняли. Канаты убрали. Паруса — серые, в заплатках, но крепкие — наполнились утренним ветром. Корабль дрогнул и начал медленно отходить от причала.

Лондон таял в тумане. Сперва исчезли дома у реки. Потом — шпили церквей. Потом — сам берег. Осталась только вода, серая и холодная, и небо, такое же серое. Чайки ещё какое-то время летели за кормой, но вскоре отстали.

«Северная звезда» вышла в Северное море.

Корабль был небольшим, но ладным. Две мачты — фок и грот — несли прямые паруса. На корме возвышалась надстройка с капитанской каютой. На носу, под бушпритом, красовалась облупившаяся фигура — не то русалка, не то сирена, вырезанная из дерева и выкрашенная когда-то белой краской. Теперь краска облезла, и сирена выглядела так, будто пережила не один десяток штормов. Марло это понравилось. Ему вообще нравился этот корабль — старый, битый, но всё ещё крепкий. Как он сам.

Команда состояла из пятнадцати человек. Почти все — шотландцы. Капитан Блэквуд был из Эдинбурга, но давно осел в Лондоне. Остальные были горцы — крепкие, шумные, с рыжими бородами и татуировками на руках. Имена у них были под стать: Ангус, Калум, Малькольм, Дункан. И, конечно, МакГрегор.

МакГрегор был самым большим человеком на борту. Ростом — почти семь футов. Плечи — как дубовые бочки. Рыжая борода закрывала пол-лица. Глаза — маленькие, голубые, вечно прищуренные. Он был боцманом — вторым после капитана. И сейчас он стоял на палубе, широко расставив ноги, и орал на матросов так, что паруса дрожали.

— Шевелитесь, ленивые ублюдки! Эта посуда должна идти быстрее! Вы что, хотите, чтобы нас обогнала какая-нибудь голландская баржа? Ангус, натяни шкот! Малькольм, ты что спишь на ходу? Я тебя сейчас за борт выкину, и пойдёшь домой вплавь!

Матросы огрызались, но слушались. Видимо, привыкли.

В первый же час капитан Блэквуд подозвал Марло.

— Эй, юнга! Иди сюда.

Марло подошёл. Блэквуд протянул ему тряпку — старую, серую, но чистую. И ведро с водой.

— Вот. Начинай. Палуба грязная, как свинарник. Вчера мои орлы вернулись из таверны и устроили тут... в общем, сам увидишь. Драй до блеска. Если где-то останется грязь — заставлю переделывать.

Марло взял тряпку. Посмотрел на палубу. Она действительно была грязной: следы сапог, опрокинутое пиво, рыба чешуя, какой-то жир. Он вздохнул. В Кембридже он изучал Овидия и Цицерона. В Лондоне его пьесы смотрела сама королева. А теперь он стоит с тряпкой на палубе торгового судна и собирается драить полы.

«Гордыня — грех, — сказал он себе. — Особенно для мёртвого».

Он опустил на колени и начал тереть.

Работа оказалась тяжёлой. Палуба была большой. Грязь въелась в дерево. Приходилось тереть сильно, до ломоты в плечах. Но Марло не жаловался. Он тёр и думал. О Шотландии. О МакКензи. О том, что скажет, когда найдёт их. О том, живут ли они до сих пор в Эдинбурге или переехали. О том, помнят ли они свою дочь. О том, знают ли, кем она стала.

Вода в ведре быстро стала чёрной. Он вылил её за борт и набрал новую. Принялся за следующий участок.

Мимо прошёл один из матросов — молодой, с копной рыжих волос и веснушками на носу. Он посмотрел на Марло, на тряпку, на ведро. Усмехнулся.

— Первый день?

— Первый.

— Видно. Трёшь, как девушка. Сильнее надо. Вот так. — Он взял у Марло тряпку и показал, как надо тереть: короткими, резкими движениями, налегая всем телом. — Понял?

— Понял.

— Меня зовут Калум. Если что — спрашивай. Только не у МакГрегора. Он не любит вопросы. Он любит орать.

— Спасибо.

— Не за что. — Калум оглянулся по сторонам и понизил голос. — А правда, что ты из Лондона?

— Правда.

— Говорят, там театры. Это где?

— В Саутуарке. За рекой.

— Ты бывал?

Марло чуть не рассмеялся. Бывал ли он в театрах? Он создавал их. Он писал для них. Он был их королём.

— Бывал, — сказал он коротко.

— И что там показывают?

— Разное. Королей. Сражения. Любовь. Смерть.

— Смерть? — Калум нахмурился. — Зачем смотреть на смерть, если она и так кругом?

— Чтобы понять её, — сказал Марло. — И перестать бояться.

Калум задумался. Потом кивнул — не то соглашаясь, не то просто решив, что лондонцы все сумасшедшие. И пошёл дальше по своим делам.

К полудню палуба заблестела. Марло вытер пот со лба и оглядел свою работу. Получилось неплохо. Даже МакГрегор, проходя мимо, буркнул что-то одобрителное — кажется, «не так уж плохо для дохлого сакса».

Корабль шёл на север, и ветер был попутным. Берег Англии остался далеко за кормой. Впереди — только море. Огромное, серое, живое. Волны били в борт, разбиваясь в белую пену. Где-то вдалеке проплывали рыбацкие лодки. Один раз на горизонте показался кит — выпустил фонтан воды и ушёл в глубину.

Марло стоял у борта и смотрел на воду. Он никогда не видел такого простора. В Лондоне всё было тесным: улицы, дома, комнаты. Даже мысли. А здесь, в море, было иначе. Здесь можно было дышать полной грудью.

К вечеру шотландцы оживились. Работа была сделана. Капитан раздал порцию эля — по кружке на человека. Матросы собрались на носу корабля, расселись на бухтах канатов и пустили по кругу волынку. Инструмент был старый, потёртый, но звучал мощно — низкий, вибрирующий звук, который проникал в самое сердце. Играл на ней Дункан — самый молча-

ливый из команды. Он никогда не говорил, только играл. Но играл так, что даже чайки замолкали.

А потом начались песни.

Шотландцы запели хором — грубые голоса сливались в странную, дикую гармонию. Это была песня о горах, о доме, о битвах, которые остались в прошлом. Слов Марло не понимал — пели по-гэльски, — но мелодия брала за душу. Она была одновременно печальной и радостной, как будто горе и счастье сплелись в одно.

Потом запели другую. Эту Марло понимал — её пели на английском, с сильным шотландским акцентом:

«Прощайте, горы, край родной,

Прощайте, реки и леса.

Мы уплываем в край чужой,

Но помним ваши голоса...»

Это была песня моряков — тех, кто навсегда покинул дом. Тех, кто знает, что может не вернуться. Тех, у кого нет ничего, кроме моря.

Марло слушал и чувствовал, как что-то внутри откликается. Он ведь тоже покинул дом. Тоже не знал, вернётся ли. Тоже не имел ничего, кроме надежды.

Потом один из матросов — Калум, тот самый веснушчатый парень, что давал советы — вскочил на бочку и начал плясать. Пляска была дикой, необузданной: он прыгал, приседал, махал руками, выбивая ритм ногами по дереву. Остальные хлопали в ладоши и смеялись. Даже МакГрегор, который никогда не смеялся, хмыкнул в бороду.

Марло сидел в сторонке и смотрел. Он чувствовал себя чужим. Англичанин среди шотландцев. Горожанин среди моряков. Поэт среди простых людей. Но это было хорошее чувство. Он был чужим, но его не гнали. Он был здесь. Он был частью этого корабля. Хотя бы на время.

Вечер опустился на море. Солнце зашло, окрасив воду в красный и оранжевый. Волынка замолчала. Матросы разошлись по кубрику. На палубе остались только двое: вахтенный на руле и Марло.

Он стоял у борта и смотрел на север. Где-то там, за горизонтом, была Шотландия. Эдинбург. Дом МакКензи. Ответы, которые он искал.

Он не знал, найдёт ли их.

Но он знал одно: он больше не стоит на месте. Он движется.

«Северная звезда» шла вперёд. Ветер крепчал. Волны становились выше. Где-то вдалеке гремела гроза. Но корабль держал курс.

А Марло смотрел на море и улыбался.

Глава 8. Разговор на палубе

Северное море, второй день плавания.

Второй день в море начался с криков чаек и грохота бочек — матросы перекачивали груз с одного борта на другой, балансируя корабль. Ветер был попутным, но слабым. Паруса лениво хлопали. Капитан Блэквуд, стоя у штурвала, хмурился и поглядывал на небо — не к добру.

Марло проснулся рано. Мышцы болели после вчерашней работы. Плечи ныли. Ладони покрылись мозолями. Но он чувствовал себя странно хорошо. Может быть, впервые за долгое время у него было дело. Простое. Понятное. Драить палубу. Таскать воду. Слушать море.

Он уже закончил утреннюю уборку и теперь сидел на бухте каната у правого борта, глядя на серые волны. В руке он держал флакон с имбирной настойкой, которую дал Исаак. Морская болезнь отступила — то ли помогло снадобье, то ли он просто привык. Желудок больше не бунтовал. Голова была ясной.

— Эй, англичанин!

Марло обернулся. К нему шёл Калум — тот самый молодой матрос с веснушками, который вчера показывал, как правильно тереть палубу. Он широко улыбался. В одной руке он держал яблоко, в другой — кружку с водой.

— Скучаешь? — спросил Калум, усаживаясь рядом.

— Нет. Думаю.

— Опасное занятие. — Калум откусил яблоко. — Я вот стараюсь не думать. Когда думаю — всегда что-то плохое придумывается. Волны. Шторма. Женщины. Долги.

Марло усмехнулся. Этот парень ему нравился. Простой. Открытый. Без задних мыслей.

— Можно спросить? — сказал Калум, прожевав.

— Спрашивай.

— Зачем ты едешь в Шотландию?

Марло помолчал. Он ожидал этого вопроса. На корабле, где все знают друг друга годами, чужак с горящими глазами и шрамом над бровью — загадка. Рано или поздно кто-то должен был спросить.

— За ответами, — сказал он наконец.

Калум поднял бровь.

— За какими ответами?

Марло посмотрел на море. На серую воду. На белые барашки волн. Он не знал, стоит ли говорить. Но потом решил: терять всё равно нечего. Если ему суждено быть безумцем — пусть все знают.

— Я ищу сведения, — сказал он, тщательно подбирая слова. — Об одной девушке.

— О девушке? — Калум оживился. — Так это другое дело! Девушка — это важно. Девушка — это всегда серьёзно. Красивая?

— Я не знаю. Я никогда её не видел.

— Никогда не видел? — Калум нахмурился. — И ищешь? Она что, богатая наследница? Украла что-то? Сбежала?

— Нет. Она... — Марло помедлил. — Она императрица Тартарии.

Тишина. Калум уставился на него. Яблоко замерло на полпути ко рту. Глаза расширились. А потом он захохотал. Громко. Раскатисто. Так, что чайки на мачте встрепенулись.

— Императрица Тартарии?! — прокричал он, захлёбываясь смехом. — Императрица Тартарии!

Он вскочил на ноги. Повернулся к команде, которая работала на палубе, и заорал во всю плотку:

— Эй, вы! Слышали?! Наш англичанин ищет императрицу Тартарии!

Матросы обернулись. Наступила короткая пауза. А потом грохнул хохот.

Первым засмеялся Ангус — здоровенный детина с чёрной бородой. Он хлопнул себя по колену и замотал головой. Потом Малькольм — тощий, жилистый, с вечно прищуренными глазами. Он прислонился к мачте и затрясся в беззвучном смехе. Потом остальные. Даже Дункан, молчаливый волынщик, издал какой-то странный звук — не то кашель, не то смех.

МакГрегор — огромный боцман — проходил мимо с мотком каната на плече. Он остановился. Посмотрел на Марло. Потом на хохочущих матросов. Потом снова на Марло.

— Что за шум? — рявкнул он.

— Этот парень, — выдавил Калум, вытирая слёзы, — ищет... ищет императрицу Тартарии! Нашу Элис! Шотландскую девушку, которая правит империей на востоке!

МакГрегор помолчал. Потом уголок его рта дёрнулся — кажется, это была улыбка. Он покачал головой и пошёл дальше.

— Тартария, — пробормотал он себе под нос. — Ну и ну.

На шум вышел капитан Блэквуд. Он стоял у штурвала, но теперь спустился на палубу. Подошёл к собравшимся. Посмотрел на хохочущих матросов. На смущённого, но упрямого Марло. На Калума, который всё ещё всхлипывал от смеха.

— Что здесь происходит? — спросил он спокойно.

— Капитан, — Калум сделал театральный жест в сторону Марло, — разрешите представить: Уильям Кромвель, лондонский поэт, драит палубы, а в свободное время ищет императрицу Тартарии. Знаменитую Элис. Шотландку, которая стала королевой где-то за краем света!

Блэквуд поднял бровь. Посмотрел на Марло. В его светлых, выцветших от солнца и ветра глазах мелькнуло что-то — не насмешка. Скорее, любопытство.

— Это правда? — спросил он.

— Правда, — сказал Марло. — Я ищу сведения о девушке по имени Элис. О ней и её семье.

— И ты веришь в эту байку? — капитан чуть усмехнулся, но не зло. — В то, что наша шотландская девушка правит огромной империей где-то на востоке?

— Верю.

— Почему?

Марло помолчал. Потом поднял голову и посмотрел капитану прямо в глаза.

— Потому что я слышал достаточно, чтобы не считать это байкой. Потому что на старых картах написано «Grand Tartaria». Потому что столетний старик в лондонской таверне клялся, что его дед видел тартарскую царевну. Потому что... — он запнулся, но продолжил, — потому что я пишу о ней пьесу. И если она существует, я должен знать правду.

Капитан долго смотрел на него. Потом повернулся к команде.

— Хватит ржать, — сказал он спокойно. — У каждого свои странности. Ангус, ты веришь в русалок. Малькольм — в призраков. Дункан вообще разговаривает с чайками. А этот парень верит в Тартарию. Что с того?

Смех постепенно стих. Матросы переглядывались. Ангус пожал плечами. Малькольм что-то проворчал. Калум всё ещё улыбался, но уже без прежнего задора.

Марло выждал паузу и спросил:

— Вы что-нибудь знаете о семье МакКензи?

По палубе прокатился шёпот. Матросы качали головами. Ангус — нет. Малькольм — нет. Калум — нет. Дункан — нет.

— МакКензи? — переспросил один из матросов, старый, с седой щетиной. — Это кто-рые из Эдинбурга?

— Да, — сказал Марло. — Дугал и Маргарет. У них была дочь.

Старый матрос подумал и покачал головой.

— Не припомню. Много МакКензи в Шотландии. Это как МакДональдов искать — в каждой деревне по пять штук.

Марло опустил голову. Пустота. Опять пустота. Он уже начал привыкать к ней, но каждый раз было больно.

И вдруг заговорил капитан.

— МакКензи, — сказал он медленно, задумчиво. — Дугал МакКензи. Я слышал о такой семье.

Марло поднял голову. Сердце забилося быстрее.

— Вы знаете их?

— Не знаю, — сказал Блэквуд, почёсывая седую бороду. — Слышал. Давно. Они были торговцами. Из Эдинбурга. Кажется, занимались мехом. Или шерстью. Не помню точно. Но я помню разговоры.

— Какие разговоры?

Блэквуд помолчал. Потом подошёл к борту и опёрся на поручень. Смотрел на море.

— Они были путешественниками. Не просто купцами. Их манили дальние земли. Север. Московия. Говорили, что они несколько раз плавали с Московской компанией. Это было лет двадцать назад. Может, больше. Я тогда ещё молодым был.

Он помолчал.

— А потом они отправились в какую-то большую экспедицию. Северным путём. И... не вернулись.

— Совсем не вернулись? — спросил Марло.

— Этого я не знаю, — капитан пожал плечами. — Может, вернулись. Может, нет. Я тогда ушёл в плавание — в Вест-Индию, на три года. Когда вернулся, о МакКензи уже никто не говорил. Будто забыли. Знаешь, как бывает: одни уходят, другие приходят. Людская память короткая.

— Вы знаете, где они жили?

— Нет. Где-то в Эдинбурге. В старом городе. Но точного адреса не скажу. Да и живут ли они там до сих пор... — он пожал плечами. — Двадцать лет — большой срок. Люди умирают. Переезжают. Меняются.

Марло молчал. Внутри него боролись два чувства. С одной стороны — разочарование. Капитан не знал ничего конкретного. Только слухи. Обрывки. Воспоминания двадцатилетней давности. С другой стороны — возбуждение. Капитан слышал о МакКензи! Это не миф. Не сказка. Это семья, о которой говорят реальные люди. Живые люди. Они существовали. Они плавали на север. Они путешествовали.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Это больше, чем я знал вчера.

Блэквуд посмотрел на него. В его глазах было что-то похожее на уважение.

— Ты странный парень, Уильям Кромвель, — сказал он. — Ты ищешь то, чего, может быть, нет. Но я повидал достаточно странных людей, чтобы знать: иногда они находят то, что не могут найти обычные. — Он повернулся и пошёл обратно к штурвалу. — Удачи тебе. Если МакКензи ещё живы — найди их. Может быть, твоя история не такая уж безумная.

Он ушёл. Матросы постепенно разобрались по своим делам. Калум ещё какое-то время сидел рядом и молчал. Потом сказал:

— Знаешь, я всё равно думаю, что ты сумасшедший. Но сумасшедшие — хорошие люди. С ними весело.

Марло усмехнулся.

— Спасибо, Калум.

— Не за что. — Он встал и направился к мачте, но на полпути обернулся. — Если найдёшь свою императрицу — передай ей, что Калум МакФерсон из Инвернесса передаёт привет. Может, пригодится.

— Передам.

Калум кивнул и пошёл работать.

Марло остался один у борта. Ветер трепал его волосы. Солнце поднималось над морем — бледное, но тёплое. Где-то внизу, под килем, шумела вода. Он смотрел на север — туда, где лежала Шотландия.

МакКензи существовали. Их знали. О них говорили. И они любили путешествия. Отец Элис был не просто купцом — он был искателем приключений. Как и его дочь.

Теперь Марло знал: он на правильном пути.

Он достал из-за пазухи старую карту — ту, что перерисовал с карты Грейвза. Развернул. Посмотрел на огромные буквы: GRAND TARTARIA. Потом на маленькую точку — Эдинбург. От Эдинбурга на восток. Через море. Через Московию. Через степи.

Путь был долгим. Почти невозможным.

Но теперь он знал, что идёт по нему.

Глава 9. Эдинбург

Шотландия, Эдинбург. Июль 1594 года.

«Северная звезда» вошла в залив Ферт-оф-Форт ранним утром, когда туман ещё лежал на воде, а солнце только начинало золотить шпили Эдинбургского замка. Марло стоял на палубе и смотрел на город, выраставший из серой дымки. Он никогда не был в Шотландии. То, что он видел сейчас, не было похоже на Лондон.

Лондон был плоским, раскинувшимся вдоль реки, суетливым. Эдинбург — вздымался. Он рос из скалы, тянулся вверх, к замку, который венчал вершину, как корона. Узкие улочки карабкались по склонам. Дома лепились друг к другу, высокие и тёмные, с остроконечными крышами. Дым поднимался из сотен труб и смешивался с туманом. Пахло морем, углём и чем-то терпким — не то вереском, не то виски.

Корабль пришвартовался в порту Лейт, у старого каменного причала. Матросы засуетились, крепили канаты, спускали сходни. Капитан Блэквуд стоял у борта и надзирал за разгрузкой. Марло собрал свои скудные пожитки, закинул котомку на плечо и подошёл попрощаться.

— Ну что, юнга, — сказал Блэквуд, — вот и твоя Шотландия.

— Да, капитан. Спасибо вам.

— Не за что. Палубу ты драил хорошо. Если твоя императрица не найдётся — возвращайся. Работа юнги всегда есть.

Марло усмехнулся.

— Я запомню.

Он повернулся, чтобы уйти, но капитан остановил его. Запустил руку в карман камзола, достал несколько монет. Протянул Марло.

— Вот. Держи.

— Капитан, я не могу...

— Можешь, — отрезал Блэквуд. — Это не жалованье. Это из жалости. Ты тощий, бледный и явно не в ладах с собственной жизнью. Купи себе еды. Сними ночлег. И... — он помолчал, — найди своих МакКензи. Мне интересно, чем эта история кончится.

Марло взял монеты. Они были тёплыми от капитанской руки.

— Спасибо. Я верну долг.

— Не сомневаюсь. А теперь иди. И слушай: если хочешь узнать что-то в Эдинбурге — иди в паб. Не в церковь, не в ратушу, не в библиотеку. В паб. Там люди держат нос по ветру. Там знают всё.

— В какой паб?

— Ближайший, — капитан усмехнулся. — В порту все пабы одинаковые. Выбирай тот, где больше всего шума. Шум — признак хороших сплетен.

Марло кивнул и сошёл на берег.

Земля под ногами качалась — он ещё не привык к твёрдой поверхности после нескольких дней в море. Но ноги держали. Он шёл по причалу, мимо бочек, тюков, крикливых грузчиков. Чайки кричали над головой. В воздухе пахло рыбой и солью.

Порт Лейт был грязным и шумным, но живым. Марло шёл по узким улочкам, высматривая вывеску. «Корона и чертополох». «Голова оленя». «Три селёдки». Названия были одно причудливее другого. Наконец он выбрал то, что посоветовал капитан: паб, из которого доносилось больше всего шума.

Назывался он «Красный лев». Старая, покосившаяся вывеска с облупившимся львом, который больше походил на голодного кота. Изнутри доносились голоса, смех, звон кружек. Марло толкнул дверь и вошёл.

Внутри было темно и дымно. Низкий потолок, закопчённые балки, деревянные столы, залитые элем. Огонь в камине боролся с сыростью. За столами сидели моряки, портовые рабочие, торговцы, пара подозрительных личностей в углу. Пахло жареным мясом, дымом и элем.

Марло подошёл к стойке. Бармен — плотный мужчина с круглым лицом и засученными рукавами — вытирал кружки. Он посмотрел на Марло без особого интереса.

— Чего желаешь?

— Эль. И что-нибудь поесть.

Бармен кивнул. Налил кружку. Достал из-под стойки тарелку с ячменной похлёбкой и ломоть хлеба. Марло заплатил монетами Блэквуда — и почувствовал укол совести. Но голод был сильнее.

Он сел в углу и принялся за еду. Похлёбка была густой, горячей, с кусочками мяса. Хлеб — грубым, но вкусным. Он ел и чувствовал, как силы возвращаются.

Когда тарелка опустела, а кружка наполовину — тоже, он подозвал бармена.

— Можно вопрос?

— Валяй.

— Я ищу семью. МакКензи. Дугал и Маргарет МакКензи. Ты слышал о них?

Бармен перестал вытирать кружку. Нахмурился. Задумался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.